

ОЛЕТ РОЙ

НАЧАТЬ ЗАНОВО.
ДАЖЕ ЕСЛИ
ЭТО КАЖЕТСЯ
НЕВОЗМОЖНЫМ

Вкус жизни

Олег Юрьевич Рой
Вкус жизни
Серия «Олег Рой – мастер
психологического романа»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69583867

Вкус жизни: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-191778-4

Аннотация

Что делать, если тебе за пятьдесят, твой муж, скоропостижно бросив тебя, женится на молодой коллеге, дети выросли и их интересуют только собственные проблемы, работа тебе не светит и жизнь кажется если не законченной, то уж точно совершенно бессмысленной? Держаться за то, что больше всего любишь, и тянуть себя из болота навстречу новой жизни!

В новом романе Олега Роя «Вкус жизни» именно так и происходит: практически единственное, что осталось у Наташи, главной героини книги, после того как рухнул ее такой уютный и такой унылый мир, – страстная любовь к кулинарии. Как такое хобби может помочь изменить жизнь? Кардинально. При неиссякаемом упорстве, чуточке везения и хорошей поваренной книге. Главное – почувствовать вкус жизни, и все получится!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	52
Глава 4	69
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Олег Рой

Вкус жизни

Памяти моего сына Женечки посвящается

© О. Рой., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Просыпаясь в тот день, Наташа Добрынина и представить себе не могла, что сегодня вся ее жизнь – пусть не счастливая, но привычная и устоявшаяся – коренным образом изменится. Причем далеко не в лучшую сторону.

Поначалу серенькое сентябрьское утро не предвещало никаких новостей. В половине девятого Наташа вышла из спальни и, позавтракав домашним йогуртом с половинкой банана, энергично взялась за хозяйство. Ближе к вечеру из недельной деловой поездки должен был вернуться Алексей. И столько всего нужно было успеть! Заглянув в каждую из трех комнат своей просторной квартиры, Наташа задумалась, с чего начать – с сортировки выглаженного белья или с полива цветов в лоджии. И то и другое дело было не слишком обременительным – в самый раз для разгона домашнего «рабочего дня». Других у нее не было – вся ее жизнь была связана с домом.

В свои пятьдесят четыре она выглядела от силы на сорок. Невысокого роста, стройная, большеглазая, с короткой стрижкой на темно-русых прямых волосах, Наташа относилась к той счастливой породе людей, чей возраст угадывается с трудом. Так было с молодости, когда ее, миниатюрную молодую женщину, порой принимали чуть ли не за ровесницу сначала старшеклассницы-дочери, а потом и младшего сына.

Правда, теперь уже не перепутали бы – Ленка давно переросла маму на целую голову и, пойдя внешностью в отца, к тридцати четырем годам выглядела вполне на свой возраст. Чего не скажешь о Костике, младшем сыне. Лозунг Наташиного пионерского детства «Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать!» к Костику подходил идеально, и в смысле личности, и в смысле внешности. Он был высоким, как и сестра, но каким-то рыхлым, нескладным. Даже нормальной растительностью на лице обзавестись не получилось – щетина росла хаотично, в основном по линии челюсти с редкими заскоками на щеки и шею. Когда Костик был младше, страшно по этому поводу переживал, хоть и старался не особо показывать. А теперь... Что теперь? Теперь его заботило совершенно другое.

Думая о детях, Наташа невольно улыбнулась и вновь заглянула в бывшие детские. В комнате Костика ничто не напоминало, что тут еще несколько лет назад жил студент. Едва сын съехал от них, как Алексей затеял во всей квартире ремонт, слава богу, хоть косметический. Тогда обновили обои, полы, частично сменили мебель. Это было пять лет назад, но до сих пор Наташа именно Костину комнату мысленно звала детской, хотя Алексей упорно звал ее «гостевой». Как будто у них хоть раз останавливались гости с ночевкой! Приезжать было некому – близких родственников и друзей в других городах у Добрыниных не имелось, а просто знакомые, приезжая в город на Неве, конечно же, останавливались не у них,

а в гостиницах.

В Ленкиной комнате – она была чуть просторнее, с широким трехгранным эркером во всю стену – теперь была спальня Алексея. Сама Наташа обитала в общей супружеской спальне. Бывшей общей.

Вздыхнув, Наташа прошла в комнату мужа, открыла платяной шкаф и принялась осматривать содержимое. Алексей наверняка с дороги отправится в душ, а после обеда, может, и вздремнуть надумает. Он рассказывал, что поездка получилась нервной, едва не скандальной: во всяком случае, именно так он описывал ее в коротких отрывистых сообщениях, которыми муж и жена обменивались где-то раз в два дня. Даже с ночлегом не особенно повезло: из всех гостиниц Иркутска ему досталась именно та, где не нашлось ни единого номера с его любимым ортопедическим матрасом. Да и водились ли там вообще такие чудеса комфортного быта, к которым привык ее разборчивый муж? Вряд ли. Так что приедет усталый, измотанный. Хорошо, если не раздраженный, как часто бывало в последнее время. Алексей не имел привычки срывать накопившееся за рабочий день недовольство на жене, но Наташа все замечала: и хмурый, словно обращенный внутрь себя взгляд темно-серых, чуть навывкате глаз, прятавшихся под густыми бровями, и сжатый в прямую линию рот, и нервное постукивание пальцев по скатерти, когда муж сидел в любимом широком кресле напротив окна в просторной кухне-столовой и ждал, пока она накрывает на

стол. Ничего тут не сделаешь: бизнес есть бизнес. Он никого не щадит и никому не дается легко. Даже тем, кому уже шестьдесят и кто всю жизнь посвятил своему делу.

На первых порах их бизнес без преувеличения можно было назвать семейным. Еще в начале девяностых свекор Наташи, Олег Викторович, открыл свою фирму. Потом к делу подключился его сын и продолжил заниматься им после смерти отца. Компании меняли формы собственности, закрывались и тут же открывались снова, но область деятельности оставалась все той же – лаки и краски. Сначала Алексей торговал импортом, позже и сам занялся производством. Теперь он владел успешной фирмой с несколькими филиалами, и дел было выше головы, только успевай поворачиваться.

К сегодняшнему дню все надежды Алексея на преемственность поколений уже рухнули. Лена еще в школе заявила, что бизнес – это не для нее, она исключительно творческая личность. А следом за сестрой отказался и Костя, несмотря на весьма прозрачные намеки и откровенные попытки давления в вопросе выбора будущей специальности. К разочарованию Алексея, после школы Костик собрался учиться на программиста, ни менеджмент, ни экономика производства, ни уж тем более химия лаков и красок не интересовали его совершенно. А вот разработка виртуальных вселенных, мир компьютерных игр и сетевых приложений – еще как. В старших классах Костик с головой погрузился в эту самую нереальную реальность и ни в какую не пожелал

из нее выходить. После того как сын поступил на факультет этой самой своей прикладной информатики, Алексей, подождав еще пару лет, не одумается ли тот вдруг, со вздохом принялся растить себе помощников из «подручных материалов». Благо молодых менеджеров с амбициями и карьерными планами в его собственной фирме было хоть отбавляй.

Рассеянно перебирая стопки безукоризненно выглаженного постельного белья, Наташа поменяла местами два лежащих не по цвету комплекта. Просто удивительно, как она такое проглядела? Непорядка в ее шкафах отродясь не водилось, впрочем, как и на кухне, и в ванной, и во всем остальном доме, которым Наташа занималась всю свою взрослую замужнюю жизнь, ни капли этим не тяготясь. Наоборот, хозяйственные заботы были ей в радость. Да и почему бы не радоваться, когда стараешься для родных, любимых людей? И сейчас, пусть дети выросли и обзавелись собственным жильем, и Наташа жила только с мужем, это нисколько не повлияло на многолетнюю привычку быть хозяйкой идеально-го дома.

А домом своим Наташа по праву гордилась. Просторную трехкомнатную квартиру, всеми окнами выходящую на один из притоков Невы, с высокими потолками, с огромной кухней-столовой и собственной кладовой, усилиями жильцов оборудованной в цокольном этаже, Наташе с Алексеем подарили родители мужа. Когда стало понятно, что дела у молодых идут к свадьбе, Олег Викторович купил им жилье в том

же доме, где жила его собственная семья. Людмила Михайловна, будущая Наташина свекровь, была только рада такому соседству. К Наташе она относилась тепло и безоговорочно приняла ее как родную. Радовалась и Наташа всем сердцем – она тоже сразу полюбила родителей своего серьезного и немногословного избранника.

Сама Наташа выросла в неполной семье, с одной только мамой. Отца не помнила: родители развелись вскоре после рождения дочери, и мама избегала всяческих разговоров о нем. Даже ни одной его фотографии в доме не сохранилось. В тот год, когда Наташа появилась на свет, Ирине исполнилось тридцать шесть. Это была тихая, ничем не примечательная, вечно усталая женщина со слабым к тому же здоровьем. Работала машинисткой в проектно-институте, постоянно брала на дом халтуру, и ни на что другое, будь то домашние дела или общение с дочкой, у нее не оставалось ни сил, ни времени, ни желаний. Все детство и юность Наташи прошли под стук пишущей машинки, начинавшийся с первым сигналом радиоточки на кухне и заканчивавшийся поздним вечером. Жили они тогда в коммуналке на улице Блохина, и соседям такие «концерты», конечно, не нравились. Чтобы хоть как-то снизить накал то и дело вспыхивающих страстей, из двух комнат, в которых они обитали, Наташина мама перебралась в дальнюю – ту, что примыкала к черному выходу и была почти вдвое больше совсем крошечной детской. Зато стрекот «Эрики», купленной по случаю в комиссионке,

оттуда был еле слышен. Какое-то время все было спокойно, но соседи на то и существуют, чтобы жизнь обитателей совместной жилплощади никому не казалась раем. Вскоре они принялись попрекать Наташину маму, что та засунула дочь чуть ли не в чулан с крошечным окном, смотрящим в стену дома напротив, а сама в это время «барствует» на шестнадцати квадратных метрах со своей подозрительной печатной машинкой. И хорошо бы еще разобраться, что она там печатает по ночам... Но тут за Наташину маму неожиданно вступился однорукий дядя Сережа – бывший фронтовик, обитавший в коммуналке напротив. Владелец громоздкого, неважно подогнанного протеза и точно такого же чуланчика, какой был у Наташи (квартира была зеркальной копией той, где она жила с мамой), он практически ежедневно навещался к Коляну, закадычному корешу и соседу по этажу. Разложившись на кухне с неизменным джентльменским набором – плавленым сырком «Дружба», ржаным «полкирпичиком» и беленькой «четвертинкой», – глухой на левое ухо дядя Сережа после первого же стопаря начинал громогласно вещать, с задиристой строгостью поглядывая на шныряющих мимо жильцов:

– И как ей, скажи на милость, ребенка кормить? Ты, что ли, денег дашь? Или ты? А?! Не слышу без очков!

Желающих связываться с контуженым ветераном обычно не находилось. Чинно допив свою «маленькую», мужчины расходились смотреть вечерние новости по телевизору,

и трофейная немецкая «Эрика» продолжала бодро стучать, добывая пропитание тихой женщине с дочкой.

Все это было очень, очень давно. Но, несмотря на чудесные перемены, случившиеся в Наташиной жизни в дальнейшем, не истерлось из памяти. И даже сейчас, много лет прожив в полном достатке, она нет-нет да и вспоминала и колоритного дядю Сережу, и коммуналку на Блохина, и весь их с мамой серенький трудный быт. Наверное, Наташа именно потому и вкладывала сейчас столько сил в создание уюта нынешней квартиры, что в детстве была его абсолютно лишена. Какой уж тут уют – среди непонятно чьей обшарпанной мебели и старых тазов со сколами эмали, развешанных по стенам длинного полутемного коридора, ведущего в громадную общую кухню с тремя газовыми плитами напротив вечно замызганного окна... Правда, когда наконец подошла мамина очередь и Ирина Витальевна получила отдельную квартиру в заокраинных новостройках, куда ходили только трамваи, комфорта в их жизни больше не стало. Уже окончательно повзрослев, Наташа поняла, что мама толком и не представляла, что это такое – налаженный быт и домашний уют. Да и для кого ей было стараться? Для дочки? Квартира у них появилась, когда Наташа оканчивала выпускной класс, и вся ее жизнь – подружки, секция настольного тенниса, занятия на подготовительных курсах – была связана с городским центром. Домой она приезжала только спать. Тогда для себя? Начинать вить гнездо, разменяв шестой десяток, каза-

лось Ирине Витальевне нерациональным и глупым. К тому же на дворе стояли такие времена, когда даже в Ленинграде товаров в магазинах становилось все меньше, а цены на них делались все выше. Покупка масляного радиатора самого убогого вида (из плохо подогнанных окон их новостройки нещадно дуло три сезона из четырех) или элементарного кухонного светильника, который было бы неплохо повесить на стену возле обеденного стола, могла запросто превратиться в многодневный утомительный квест с отмечанием в списках, стоянием в очередях и молниеносным приобретением того, что не нравилось и совсем не подходило по цвету, но «ладно, зато работает».

Неудивительно, что теперь Наташа любила свой собственный дом всем сердцем. Еще бы! Здесь все было устроено по ее вкусу. Ни дети, ни уж тем более муж в ее представления об уютном налаженном быте предпочитали не вмешиваться. И она с удовольствием старалась для всех. И одновременно – за всех, потому что подобное невмешательство подчас оборачивалось необходимостью прилагать усилия в одиночку. Но Наташа на родных не сердилась и не обижалась. Ведь все они были ее семьей, самыми близкими людьми, а значит, нуждались в ее заботе.

Она так привыкла и считала это правильным. Обладая спокойным и мягким характером, Наташа с самого детства старалась доставлять маме как можно меньше хлопот. Ранно начала помогать по дому, старательно училась и готови-

лась к поступлению в вуз. Из предметов ей лучше всего давались естественные науки, биология и химия. Окончив школу с приличным средним баллом в аттестате, Наташа успешно сдала вступительные экзамены в Технологический институт и через пять лет получила диплом по специальности «химия материалов». К этому времени Ирины Витальевны уже не было на свете – она умерла, едва Наташе минуло девятнадцать. Оставшись одна, Наташа ничего в своей жизни не изменила – каждый день все так же через весь город методично ездила в институт, по вечерам возвращалась в пустую квартиру. В какой-то момент испугалась: ей вдруг стало казаться, что так будет вечно...

Но у судьбы были другие планы на скромную тихоню с неяркой внешностью и застенчивой милой улыбкой. Довлевающий над ней сценарий жизни собственной матери Наташа не повторила. Учась на четвертом курсе, она проходила практику на лакокрасочной фабрике и там познакомилась с будущим мужем. Высокий, интересный, неизменно пользующийся успехом у практиканток молодой специалист Алексей Добрынин восхитил девушку с первого взгляда. К ее собственному безмерному удивлению, он тоже обратил на нее внимание. Для Наташи это стало почти что шоком: крайне застенчивая и вечно сомневающаяся в себе, она не считала себя даже хоть сколько-нибудь привлекательной и до этого момента не имела никакого опыта общения с молодыми людьми. Много после, уже будучи замужем, Наташа вспоми-

нала первые месяцы их знакомства и понимала, что ее влечение к Алексею, помимо совершенно нормального в таком возрасте желания влюбиться и быть любимой, во многом было соткано из усталости от одиночества, потребности в хотя бы мнимом близком человеке рядом и искренней благодарности этому самому человеку за то, что он заметил ее и выделил из толпы.

Алексей тогда готовился отметить двадцатипятилетие, и ему пора было всерьез задуматься о создании семьи. Так было лучше для карьеры, которую он собирался делать по комсомольско-партийной линии, но с началом перестройки спешно отредактировал планы и целиком сосредоточился на бизнесе. Его отец был заместителем директора этого самого лакокрасочного завода, о чем Наташа впервые услышала, уже оказавшись у них дома, в день знакомства с семьей жениха. Родители выбор сына одобрили. По их мнению, на роль жены начинающего перспективного бизнесмена Наташа подходила идеально. Она была именно из тех девушек, «от которых не сходят с ума, но на которых женятся», – неброская, скромная, покладистая, уравновешенная. Такая всю жизнь будет заботиться о муже и детях, хранить верность и поддерживать тепло в домашнем очаге: а что еще требуется от жены? Это семейное решение, принятое после первого знакомства, уже через много лет Наташе озвучила свекровь Людмила Михайловна. По характеру она и сама во многом напоминала Наташу – была тактичной и неконфликтной, предпочи-

тая в сложные жизненные минуты не устраивать скандалы и не давить, а где-то смолчать, где-то перетерпеть, где-то мягко и ненавязчиво предложить свое собственное решение и потихоньку, спокойно найти выход из любой ситуации.

Свекры не ошиблись – из Наташи и впрямь вышла отличная жена. Пробыв в браке без малого тридцать пять лет, она давно привыкла и к характеру мужа, постепенно сменившего энергичность и рациональность на откровенную властность и эмоциональную холодность, и к его бесконечной погруженности в работу. Пока был жив Олег Викторович, Алексей, как и положено в семейном бизнесе, держался на шаг позади, но после кончины отца взялся за дело всерьез. Смысл его жизни составляла работа. Там он раскрывался по-настоящему и по-настоящему жил. Был, как бы пафосно это ни звучало, истинным властелином и повелителем бизнес-стихий, железной рукой управлял вихрями и тайфунами товарных запасов, корпоративных финансов и отношений с партнерами. А домой приходил, чтобы выспаться, хорошенько поесть, коротким и зорким взглядом окинуть семейство – все ли спокойно, всего ли им вдоволь? – и, набравшись сил, снова ринуться в профессиональную битву.

Несмотря на профильное образование и многочисленные примеры, когда «муж и жена – одна бизнес-сатана», себя рядом с ним в бизнесе Наташа не мыслила ни сразу после замужества, ни прожив вместе годы и годы. Да и зачем ей это? Сыграв свадьбу на пятом, последнем курсе, диплом она за-

щищала, уже будучи беременной дочерью, а не успела Лена пойти в школу, как родился Костя. Время было беспокойное и одновременно удивительное – столько всего нового появлялось вокруг! Взять хотя бы одноразовые подгузники. Когда появилась Ленка, о них в Советском Союзе еще толком и представления не имели, а к моменту рождения Костики в продаже появилось уже множество новинок, сильно облегчивших женщинам жизнь. Людмила Михайловна только ахала да всплескивала руками:

– Это что же... Один раз надел – и в помойку? И не надо стирать? Ох и повезло, Наташка, такое счастье привалило!

Наташа и вправду чувствовала себя очень счастливой. Не из-за памперсов, разумеется, и не из-за прочих примет изобилия, широким потоком обрушившихся на ее молодую семью. Она была нужной, любимой и с огромной радостью, с энтузиазмом заботилась о муже и маленькой дочке, а потом и о сыне. Занималась домом, растила и развивала детей. А то, что за всеми этими заботами ни дня по специальности так и не проработала – ну и что? И без того крутилась словно белка в колесе, едва ли не круглосуточно. Появлению внуков свекры очень обрадовались, но оставить работу и засесть с малышами дома новоявленная бабушка не торопилась. Людмила Михайловна заведовала крупной аптекой, должность эта была настоящей сокровищницей. Зарплата у нее была весьма скромной, но за годы работы она сумела обзавестись многочисленными связями, помогавшими во всех

сферах жизни. Правило «ты – мне, я – тебе» действовало безотказно во все времена. Так что с детьми Наташа возилась самостоятельно.

Упрекнуть себя ей было решительно не в чем. К тому времени, когда дети более-менее подросли и Наташе стало легче, Алексей уже достаточно зарабатывал, и у его жены не было никакой необходимости заниматься чем-то еще, кроме мужа, детей и себя. Вот она занималась всем, к чему неизменно лежала душа: любимым домом, добротной ухоженной дачей, расположенной в недалеком сосново-озерном пригороде, изредка рукоделием.

А вот что ее действительно увлекло и со временем стало и страстью, и настоящей домашней профессией – это кулинария. Началось все, опять же, с Людмилы Михайловны. Это она научила привыкшую питаться одними бутербродами и яичницами Наташу и готовить, и выбирать продукты, и правильно сервировать стол. Будучи женой замдиректора завода, Людмила Михайловна могла позволить себе ежедневно закупаться на рынке. Опять же, помогали и собственные многочисленные связи: доставая лекарства знакомым, среди которых были директора интуристовских гостиниц и ресторанов, заведующие валютными «Березками» и плодоовощными базами, она получала доступ к заграничной и отечественной экзотике – фруктам, специям, лучшему мясу и свежайшей рыбе. Коллекционировала Людмила Михайловна и рецепты – выписывала их из календарей и журналов,

доставала через знакомых продавцов книжных и букинистов современные и старинные кулинарные книги, просила всех «выездных» друзей привозить ей соответствующие издания из-за границы и переводила их с помощью словарей. Все понравившиеся рецепты обязательно пробовала готовить сама. Чаще всего кое-что переделывала, значительно улучшая. Самые лучшие и интересные находки записывала, чтобы не забыть и не потерять, в толстые ученические тетради, дополняя записи рисунками. Когда сын женился, Людмила Михайловна принялась с удовольствием передавать эти знания невестке, тем более что Наташа оказалась очень благодарной и талантливой ученицей.

Вот и сегодня к возвращению мужа Наташа собралась приготовить его любимый рыбный рассольник с фрикадельками из белой речной форели и фрикасе из кролика с рисом и овощами. Что и говорить, поесть Алексей любил всегда, так что плоды Наташиных трудов пользовались у него неизменным успехом. Особенно после командировки. Шутка ли – почти неделю на ресторанных харчах! В их качестве Наташа не сомневалась (времена, когда можно было отравиться даже в самом лучшем заведении, слава богу, давно позади), но вот к подбору блюд у нее бывали претензии. Как и большинство мужчин, много нервничающих и слишком погруженных в дела, к шестидесяти годам ее муж успел обзавестись целым букетом не то чтобы болезней, но... состояний. Или особенностей пищеварения – так было бы правильнее

сказать. И кому, как не ей, его собственной жене, было знать обо всех этих нюансах и деликатных подробностях!

Так что, покончив с разбором белья, Наташа перебралась на кухню и занялась обедом. Времени до приезда Алексея было достаточно: накануне он написал, что будет дома не раньше пяти. Поэтому, когда в половине второго в прихожей хлопнула дверь, Наташа, прислушавшись и убедившись, что в квартире она теперь не одна, громко крикнула, обернувшись в сторону коридора:

– Ленуська, ты? А чего не предупредила?

Ей не ответили. Через секунду по знакомому кряхтению и глухому отрывистому покашливанию Наташа поняла, что это Алексей. Наспех вытерев руки, она выглянула в прихожую. Муж стоял спиной, сжимая в руках легкую куртку, и, глядя в зеркало, медленно приглаживал редкие волосы на висках и затылке.

– Ой, привет! Поменяли билеты? Что же ты не позвонил? У меня еще ничего не готово, – улыбнувшись, сказала она и подошла к Алексею, подставила щеку для поцелуя.

Он коротко коснулся губами ее виска и потянулся к вешалке.

– Устал, – коротко выдохнул и прошел в ванную.

Наташа, поняв, что более обстоятельный разговор откладывается до обеда, вернулась на кухню и принялась изучать содержимое холодильника. Что бы такого приготовить на скорую руку? Горячие бутерброды или омлет с помидорами

и беконом? Рассольник был наполовину готов, а вот кролика она только-только разделала. Вот почему нельзя было заранее позвонить?

Засуетившись между плитой и холодильником, она не сразу поняла, что муж в кухне так и не появился. Через несколько минут, когда микроволновка уже вовсю гудела, подогревая хлеб для бутербродов, а на столе появились помидоры и мясная нарезка, Наташа заглянула в комнату Алексея. Тот стоял, заложив руки за спину и глядя в окно. Платяной шкаф, в который Наташа утром убирала белье, был распахнут. Рядом лежала неразобранная дорожная сумка. А еще почему-то большой чемодан, с которым они обычно ездили в отпуск.

– Омлет будешь? Приходи через пару минут, – сказала Наташа и собралась вернуться на кухню.

Но тут Алексей, медленно обернувшись, посмотрел на нее как-то странно: обвел взглядом всю, словно впервые увидел, от теплых домашних тапочек до аккуратно причесанной макушки.

– Сядь.

Ничего не понимая, Наташа послушно опустилась в кресло у двери.

– Я ухожу.

– Как же так? А обед?

– Обед. – Он коротко усмехнулся, передразнив ее удивленную интонацию. – Вечно у тебя на уме одно и то же. Я

ухожу совсем. Мы разводимся.

Чтобы не упасть, Наташа до боли в пальцах вцепилась в кожаные подлокотники кресла. Лицо мгновенно стало горячим, словно она наклонилась над кипящей кастрюлей. Слишком низко. Опасно низко.

– Леша, послушай...

– Нет, это ты сейчас будешь слушать, что я скажу. – Нервно передернув плечами, он прошелся по комнате и вновь вернулся к окну. – Мы оба знаем, что наш брак давно умер. Дети выросли, съехали. Мы друг другу совершенно чужие. Не вижу смысла продолжать ломать эту комедию дальше. Во всяком случае, мне это точно больше не нужно. Я больше не могу существовать в этом болоте и не собираюсь превращаться в пенсионера. Я собираюсь двигаться дальше. Надеюсь, тебе все понятно.

– Понятно, – эхом повторила Наташа, еще сильнее вжимая пальцы в жесткую кожу кресла. Что тут не понять? Он не собирается превращаться в пенсионера и хочет двигаться дальше. А она, Наташа, болото, которое мешает его развитию. Все предельно ясно.

– Отлично. А раз понятно, тогда давай, как цивилизованные люди, обсудим все возникающие вопросы. Я тут подумал – и вот что решил...

На кухне тревожно позвякивала крышка, подпрыгивая на кастрюле с перекипающим рассольником. Вжав голову в плечи, Наташа смотрела в пол, следя за движениями мужниных

тапок в коричнево-черную клетку. О чем Алексей говорил – почти что не слушала.

Он все решил.

Ее мнение никого не интересовало.

Конечно, Наташа прекрасно понимала мужа. Подобные разговоры тяжело даются обеим сторонам – и тому, кто сообщает о расставании, и тому, кто это слышит. Собственно, даже еще вопрос, кому из двоих хуже... Видимо, пытаюсь справиться с чувством неуверенности и дискомфорта, Алексей предпочел говорить сухо и даже несколько резковато. Скорее всего, такая тактика показалась ему наиболее подходящей, он решил, что она поможет избежать нежелательных проявлений подступающей драмы: слез, горьких упреков и назойливых уговоров. Слушая его, Наташа чуть ли не читала его мысли, понимала, как не хотелось ему пускаться в объяснения. Того и гляди скатишься к оправданиям. А что тут скажешь? Что он давно охладел к ровеснице-жене и полюбил другую? Молодую, яркую и притягательную коллегу, почти вдвое младше его, которая отвечает ему настоящей, серьезной взаимностью? К тому же беременную. И согласную выйти за него замуж. Так что все кончено. Не о чем говорить.

Но о чем говорить, конечно же, было. Алексей и сам это знал. Уж кем-кем, а бездушным мерзавцем Наташин муж точно не был и бросать бывшую на произвол судьбы не собирался. Поэтому он сообщил жене, что оставит ей квартиру и ту машину, на которой она ездит (у Алексея, разумеется,

была своя). А также положит на ее счет некую сумму – на устройство на первое время.

– Миллион. Полагаю, с учетом стоимости квартиры это будет вполне справедливо. К тому же несколько лет назад я покупал на твое имя кое-какие акции. Ты никогда не вникала, но сейчас некоторые из них прилично взлетели в цене. Кое-что, правда, немного просело... Но не важно. В любом случае вырастут. Весь портфель тоже останется за тобой, – продолжал распространяться он.

Было заметно, как с каждой новой фразой крепнет его уверенность в собственной правоте.

Себе он оставит свой джип, загородный дом и, разумеется, фирму. О том, чтобы по-настоящему делить активы, речи не идет – Наташа должна сама это понимать. Алексей еще в расцвете лет и вовсе занимается бизнесом. И у них есть дети – им тоже надо будет что-то оставить. Так что если у нее нет других имущественных претензий, то развестись можно будет без суда, Ленка с Костиком давно взрослые.

– Что скажешь? – напирал Алексей. – Устраивает тебя такой расклад?

Наташа молчала. Шумно вздохнув, он подошел к ней, неловко коснулся плеча.

– Я понимаю, тебе тяжело. Все это для тебя неожиданно, но, поверь, я вовсе не хочу прожить остаток жизни с ощущением, что обошелся с тобой как подлец. Если у тебя есть другие соображения...

– А тебе? – подняв голову, вдруг спросила она, вглядываясь в нахмуренное лицо мужа.

– Что «мне»? – не понял он.

– Тебе разве не тяжело? Мы же столько лет вместе прожили!

– Так... Я тебя очень прошу – только не начинай, – поморщился он и немедленно отошел, чуть ли не отскочил от Наташи. – Все это в прошлом. К тому же неудачный брак – это не приговор. Ни мне, ни тебе.

– Неудачный?! – против воли повысила голос она. – С каких это пор ты стал считать свою жизнь неудачной?

– Вот только не надо все в одну кучу валить, – огрызнулся Алексей. – Это совершенно разные вещи. Короче, если принципиальных возражений у тебя нет, заявление на развод можно подать на «Госуслугах». Хоть завтра. Это сильно ускорит дело.

– Ускорит? – удивилась Наташа. – Ты куда-то торопишься?

– Я хотел сказать – упростит, – неловко поправился он.

Потом Алексей говорил что-то еще. Пытался согласовать удобное для нее время, когда сможет забрать свои вещи, чтобы не травмировать ее зрелищем перебора ящиков и шкафов и хождением грузчиков. Наташе было решительно все равно. Хотелось одного: чтобы этот тягостный разговор как можно скорее прекратился. Чтобы Алексей наконец оставил ее в покое. Чтобы ушел – тогда можно будет лечь и попытаться

ся представить себе, что весь этот ужас ей просто приснился. Раз уж нельзя сделать так, чтобы его и вправду не было.

Поняв, что она его не слушает, он замолчал и вышел из комнаты. Через минуту хлопнула входная дверь, и в квартире воцарилась тишина. Медленно-медленно, словно не веря, что ноги готовы ее держать, Наташа дошла до кухни. Машинальным движением выключила газ под кастрюлей с перекипевшим рассольником. Огляделась по сторонам, села на табурет у окна. Сложив на подоконнике руки, уронила голову на сгиб локтя.

Вот и все. Ее бросили. Хуже того – променяли. Она стала ненужной. Пенсионеркой и болотом.

И как же теперь жить дальше?

Глава 2

Остаток дня был сущим кошмаром. Наташа то заливалась слезами, то бесцельно кружилась по огромной квартире, то надолго замирала в какой-нибудь комнате у окна, глядя пустыми глазами на свинцово-серую воду, что плескалась вдоль кромки гранитной набережной, отделяющей реку от потока машин. В голове теснились вопросы. Их было множество, самых разных: от нелепо-беспомощных, а потому совершенно бессмысленных «За что? Как же так?!» до сугубо-практичных «Ну и кто эта дрянь, интересно?».

Хотя считать последний вопрос безответным было нельзя. Имени счастливой соперницы Алексей благоразумно не стал называть, но Наташа и так догадалась. Ясно как день – это Арина. Именно она лучше всего подходила под определение «молодой коллеги, амбициозной и дерзкой», как описал ее муж. Кажется, Арина работала коммерческим директором в компании Алексея... Заглянув на корпоративный сайт компании, Наташа тут же нашла ее фотографию. На снимке в разделе «Наши кадры» Арине на вид было слегка за тридцать. Неестественно прямая осанка, уверенный взгляд, точно отмеренная легкая полуулыбка: в меру – доброжелательности, в меру – профессионализма, в меру – уверенности в себе. Наташа долго разглядывала это молодое, ухоженное лицо, обрамленное целой гривой упругих темных локо-

нов, выющихся крупными кольцами. Интересно – свои такие? Или продукт парикмахерского искусства? В любом случае не чета Наташиной нынешней коротенькой стрижке. Хотя похвастаться подобной роскошной шевелюрой она и в молодости не могла.

Тщательно изучив фотографию счастливой соперницы, Наташа набрала ее ФИО в поисковике и сразу наткнулась на какой-то профессиональный сайт, видимо специально созданный для самопрезентации бизнес-специалистов. Целая страница информации об Арине, чередуя дифирамбы с непонятными англоязычными терминами, рассказывала про головокружительный карьерный рост, про дерзновенные проекты и аналитический склад ума, приведший к доселе в мире невиданным результатам. Кривясь от отвращения, Наташа наискосок проглядела эту пафосную трескотню, но кое-что полезное все же сумела из словесного мусора извлечь. Как оказалось, Арина родилась в Петербурге, окончила престижный факультет одного из технических университетов и уже почти семь лет работала в компании Алексея. Начиная с довольно скромных позиций и быстро делала карьеру, а попутно училась на всяческих курсах, тренингах и семинарах, ездила в командировки, продвигала новаторские приемы и самые передовые технологии, не имевшие аналогов у конкурентов... Словом, беспрерывно улучшала и развивала дело всей жизни чужого мужа. И, как выяснилось, улучшала и развивала не только профессиональную сторону его жизни.

Вновь нервно всхлипнув, Наташа отбросила телефон. Сквозь слезы уставилась в стену.

Ну и дрянь! Новаторские идеи она, видите ли, продвигала. Вот и допродвигалась до чужой постели.

Но, если уж говорить откровенно, настоящей, ошеломляющей новостью эта информация для Наташи не стала. За тридцать с лишним лет брака они с мужем прошли большой путь – от искренней юношеской любви (как Наташе поначалу казалось) до откровенного охлаждения чувств, очевидно-го им обоим. Со стороны семья Добрыниных долго выглядела почти идеальной – ровная, спокойная атмосфера без конфликтов и явных противоречий, постоянно растущий достаток, порядок и чистота в доме... Но все главное, что делает людей счастливыми – искренняя привязанность, дружеское отношение, взаимный интерес, радость быть вместе, удовольствие от внимания друг к другу и желание проводить время вместе, – ушло довольно давно.

Да и было ли вообще? Теперь Наташа и в этом сомневалась.

Все эти грустные изменения накапливались исподволь, долгие годы. К тому моменту, когда сын собрался наконец покинуть родительский дом (и без того задержавшись там гораздо дольше, чем его более самостоятельная старшая сестра), Наташа с Алексеем уже давно жили скорее как вежливые и по-доброму расположенные друг к другу соседи, а не как муж и жена. С отъездом же Костика Алексей, сослав-

шись на обоюдное удобство такого решения, и вовсе завел себе отдельную спальню и перебрался в бывшую комнату дочери. Наташа повздыхала, но убедила себя, что ничего в этом страшного нет. Это нормально, в их годы многие пары именно так и живут. А у огромного числа женщин и вовсе нет мужа...

И вот несколько месяцев назад она сначала почувствовала, а потом и поняла почти что наверняка, что у Алексея появилась другая женщина. Не мимолетное увлечение, а именно – появилась другая. Женщины обычно догадываются о таких вещах на основании всевозможных мелочей, которых мужчины даже не замечают. И дальше – одно из двух. Кто-то из жен реагирует бурно: принимается следить, рьяно ищет улики, закатывает сцены ревности и требует выяснения отношений. Ну или просто без всяких слов выставляет неверного супруга за дверь. А кто-то так и живет с этим знанием, но не подает виду, имея на то какие-то собственные причины: боится потерять мужа, надеется, что все пройдет, считает ниже своего достоинства устраивать разборки или просто сама не дорожит семейными отношениями.

Наташа избрала второй путь, и его причиной была все та же пресловутая неуверенность в себе: а вдруг я все это просто выдумала? Вдруг и впрямь главе успешной компании внезапно стало необходимо так часто ездить в командировки?

И вот теперь иллюзия кончилась, стало окончательно яс-

но, что Алексей действительно фактически жил на две семьи. И решил отказаться от той, где роль хранительницы домашнего очага играла Наташа.

Прежней жизни, которая ей самой пусть и не нравилась, но и явных страданий не доставляла, у нее больше нет. Она рухнула, погребя под собой определенность сегодняшнего и уверенность в завтрашнем дне.

Что впереди? Полнейшая неизвестность.

И ведь эта мерзавка еще и беременна!

Вспомнив, как об этом говорил Алексей – сверкая глазами, с улыбкой, пусть и короткой, но явной, с неприкрытой гордостью за свое более чем «зрелое» надвигающееся отцовство, – Наташа вновь всплеснула руками и закружилась по дому. Ему ведь уже шестьдесят! В таком возрасте нормальные люди разве что внукам радуются, а не собственных новоявленных младенцев растят!

Зачем, ну зачем ему это?!

Для этой самой Арины подобная выходка как раз и неудивительна. Отличный способ привязать к себе чужого мужа вдвое старше себя – дать ему возможность вновь почувствовать себя молодым, полным планов, сил и энергии. Не она первая, не она последняя, кто выбрал такой подлый, такой бессовестный способ увести мужика из семьи. Да чтоб ей, этой Арине...

На этой мысли Наташа зажала себе рот ладонью и прикусила язык. Ну уж нет, желать зла беременной она точно

не станет. Эдак вообще неизвестно, до чего можно допсиховаться. Хватит. Пора взять себя в руки и попытаться хотя бы немного успокоиться. Еще сердечного приступа не хватало.

Позвонить, что ли, Кате? Или Танюшке? Поделиться, так сказать, свежими новостями...

Это были ближайшие Наташины подруги, с которыми она хоть и виделась нечасто, но старалась поддерживать телефонный контакт. Друг друга Таня и Катя слегка недолюбливали, поэтому «дружбы на троих» не сложилось, но это не мешало Наташе регулярно общаться и с одной, и с другой.

Нет, пожалуй, не стоит. А то получится, что она сама забегаает вперед. Вдруг Алексей еще передумает? Вот смеху-то будет... Кто, правда, будет при таком раскладе смеяться – неясно. Ни ей, ни ему точно будет не до веселья.

Мимолетно представив, как ее осанистый и представительный муж бочком входит в квартиру, как старается не смотреть ей в глаза и прошмыгивает в свою комнату, она невесело усмехнулась. Нет уж, все это глупости, разумеется. Алексей Добрынин не тот человек, который сначала болтает, а потом думает, что наболтал.

Все кончено. Он не вернется.

Ночь прошла тяжело. Наташа без конца то засыпала, то вновь просыпалась. Думала о случившемся, вспоминала их с Алексеем жизнь. Неужели все то, что самой ей казалось лишь неотъемлемой частью их возраста – охлаждение, отдаленность, погруженность в собственные заботы, – он воспри-

нимал серьезнее и болезненнее, чем она? До такой степени, что не захотел с этим мириться? Встряхнулся, взял себя в руки – и влюбился в молоденькую? Или все было в точности наоборот, и теперь Наташа, образно говоря, ставит телегу впереди лошади: не встряхнулся и не влюбился наперекор надвигающейся старости, а потерял голову, старый дурак, и ринулся крушить устоявшуюся жизнь, прельстившись вниманием ровесницы собственных детей?

Пойди разбери...

Да и не Наташино это дело – копаться в его мотивах. Что это даст? Ничего, что могло бы помочь нащупать ускользнувшую из-под ног почву реальности. Ей теперь многое придется переосмыслить и много чего изменить. Слишком много. Так много, как она не меняла уже очень, очень давно. И все это делать предстоит в одиночку.

Вот тут-то и прятался самый ужасный ужас!

Нет, конечно, она не одна: у нее есть дочь, сын, есть подруги. Ее не бросят. Поддержат, помогут. Но пережить этот шторм, хоть и с поддержкой, ей придется самой, не прячась ни за чьи спины. Не только пережить, но и двигаться дальше.

От этих тоскливых пугающих мыслей хотелось, как в детстве, зарыться под одеяло, еще и подушек поверх себя навалить. Чтобы снаружи к ней не проникли ни лучик света, ни дуновение воздуха, ни звуки обыденности, которая осталась такой же, как и была. И лишь у Наташи Добрыниной теперь все пойдет по-другому. Как именно – непонятно. Но совер-

шенно точно не так, как ей представлялось, когда она думала о будущей старости.

Боже-боже... Как теперь жить?!

Несмотря на полубессонную ночь, проснулась Наташа еще до будильника. На часах было около семи, и вылезать из постели в такую рань не было никакого смысла. Больше не было. Некому готовить завтрак, гладить рубашку. Некого спрашивать, что приготовить на ужин. Незачем думать, как провести день. Пройдет – и пройдет. Лишь бы кончился поскорее.

Некоторое время, бездумно разглядывая венецианскую люстру с голубыми и нежно-салатовыми подвесками, укрывшимися среди бронзовых роз, она размышляла: неужели теперь так будет всегда? Просыпаешься – и не понимаешь, зачем открыла глаза. Через силу встаешь, умываешься, завтракаешь на автомате, чтобы потом...

Чем она будет заниматься все эти бесчисленные «потом», Наташа подумать не успела. Экран лежавшего на прикроватной тумбочке телефона коротко осветился. Пришло сообщение от Алексея:

«Посмотрела? Тебе все понятно?»

Удивившись странным вопросам, Наташа пролистала его предыдущие сообщения и увидела, что еще четверть часа назад он прислал ей ссылку на раздел в «Госуслугах», где подробнейшим образом объяснялось, как подать заявление на развод. Вновь перевела взгляд на часы – без минуты полови-

на восьмого.

Ничего себе.

Получается, что про эти самые «Госуслуги» он вчера говорил совершенно серьезно. И сегодня, едва проснувшись, первым делом кинулся инструктировать жену, что и как она должна сделать, чтобы он мог побыстрее от нее избавиться.

Вот так припекает у человека...

Открыв ссылку, Наташа просмотрела текст на экране. Действительно, ничего сложного там не было. Пока она обдумывала, стоит ли написать что-то еще, кроме короткого «да», Алексей, вероятно, увидел, что она в сети, и опередил ее, разразившись пространным сообщением. Вновь написал про подъемные деньги, про акции, про «оставлю квартиру». Общий тон был суетливый и нервный, и все сообщение какое-то слишком подробное для его обычного немногословия. Даже по одному этому можно было понять, что для него все окончательно решено. Наташа для Алексея – вчерашний день. Как он сказал? Болото? Да, болото. И еще – пенсионерка. Цепляться не за что, упираться нет смысла.

«Прочитала. Сегодня подам», – написала она.

«Во сколько?» – тут же прилетело в ответ.

«Что – сколько?» – не поняла сначала Наташа, но Алексей пояснил, что спрашивает о времени, когда она отправит запрос.

Его настырная торопливость выглядела до того оскорбительной, что Наташа не сразу нашлась, что ответить. Отча-

янно захотелось послать его как можно дальше со всеми его электронными сервисами. Пусть-ка побегает, повыпрашивает, поунижается... Но поступать так она не стала. Нет уж, спасибо. То, что, стремясь унижить другого, ты унижаешься сам, — общеизвестная истина. А там — пошло-поехало, слово за слово, око за око. Сколько браков, уже завершенных, распавшихся, окончательно мертвых еще до развода, в которых бывшие супруги уже давным-давно смирились со своим фактическим статусом к моменту формального расставания, вдруг оборачивались настоящими бурями в стакане воды! Люди, равнодушно взиравшие друг на друга долгое время, начинали вспоминать нанесенные когда-то обиды, с ожесточением делить «фамильные ценности», давно убранные за ненадобностью на антресоли, потому что выбросить этот хлам просто руки пока не дошли, и требовать чудовищных, неисполнимых выплат и компенсаций. Каждый третий дамский роман или дневной сериал снят именно об этом. Не то чтобы Наташа была с ними близко знакома, но имела представление благодаря подруге Танюшке. Вот уж кто был страстной любительницей бульварного чтения и турецко-латиноамериканского сериального мыла! Читала и смотрела захлеб, еще и Наташу норовила держать в курсе особо закрученных сюжетных перипетий.

Пока Наташа размышляла об историях разводов выдуманных сериальных людей, вновь пришло сообщение от Алексея. Совсем короткое:

«Ну?»

Быстро заполнив форму на сайте, она сделала скриншот экрана и послала ему.

«Спасибо! Я всегда знал, что ты рассудительная и здраво-мыслящая женщина. Рад, что и сейчас не ошибся. Если хочешь, Ленке и Костику сообщу сам. Еще раз спасибо».

И даже смайлик с вытянутыми трубочкой губами поставил. Не постеснялся.

Наташа с горечью усмехнулась. Было ясно, что Алексей испытывает огромное облегчение от проявленного ею «здорового смысла». Все вышло гладко. Заявление подано. Пройдет тридцать дней – и он будет свободен как ветер. Устремится, так сказать, в новую жизнь рука об руку с молодой женой, навстречу сюрпризам, открытиям и приключениям.

Отложив телефон, Наташа медленно огляделась по сторонам, словно пытаясь увидеть те самые перемены, которые столь бестактно вломились в ее жизнь. За окном окончательно рассвело. Она по-прежнему сидела на кровати. Даже халат не надела и не сходила, пардон, в туалет. Зато под руководством уже почти бывшего мужа подала заявление на развод. А всего сутки назад ничто, буквально ничто в ее жизни не предвещало таких оглушительных перемен.

Что тут скажешь? Даже если кажется, что уже все повидал, – жизнь никогда не разучится удивлять.

Ленка позвонила ближе к обеду, когда Наташа разложилась на кухне с сортировкой содержимого морозилки.

Все домашние заготовки она всегда аккуратно укладывала в цветные контейнеры и снабжала этикетками с датами заморозки. Пришла осень, а значит, время проверки. Не осталось ли что-то с прошлого года? Хотя действовала она практически машинально. Лишь потому, что еще в начале недели запланировала освободить в морозильной камере место для новых припасов.

Припасы... Смешно. Зачем они теперь? Для кого? Для чего?

– Мам, привет! – Ленка начала разговор довольно оживленно. – Мне тут папа что-то странное написал. Я ему даже перезвонила. Он, правда, был занят, мы поговорили совсем немного. Но он сказал, что вы с ним вроде как надумали развестись. Че, правда, что ли?

Наташа против воли скривилась. «Надумали», значит. Сказать родной дочери, что это он решил бросить жену, а никакое не «мы вместе надумали», духу Алексею все-таки не хватило. Что ж, исправить это будет нетрудно.

– Не совсем, – сказала Наташа. – Это он так решил, а не я.

– То есть он от тебя уходит? – продолжала бестактничать дочь.

– Получается, так.

– Ни фиги себе новости дождливым сентябрьским утром, – задумчиво протянула Ленка. – И чего теперь будет?

– Не знаю, – вздохнула Наташа. – Со мной такое впервые.

– Это-то ясно, – деловито согласилась дочь. – Весь вопрос

в том, какое цэ-цэ его вдруг укусило. Жил бы себе и жил, как сложилось. Но разводиться-то на хрена?

– Что значит «жил бы как жил»? – не поняла Наташа. – У него вроде как другая женщина появилась. Или он тебе не сказал?

– Сказал, разумеется. Но в вашем возрасте делать из этого драму...

– А что делать? Что?! – не выдержала Наташа. – Ей тридцать четыре, как и тебе. И она, между прочим, беременна.

– Ну, во-первых, тридцать четыре мне будет только через два месяца, если что, – невпопад обиделась дочь. – А во-вторых, можно же было как-то договориться. Чтобы и тебя не бросать, и...

– Спасибо, милая, – перебила Ленку Наташа. – Вряд ли бы мне это подошло. Да и твоему отцу – тоже. Мы с ним, видишь ли, несколько старомодны. Разлюбил – развелся – создал другую семью. Именно в этой последовательности действуют честные люди. Правда, твой папа в эти правила все-таки не до конца уложился.

– Мам, ну чего ты? Я вообще не это хотела сказать! Мне просто надо доделать один срочный проект, поэтому я попутно смотрела в ту хрень, что заказчики понаписали, вот и ляпнула ерунду, – немедленно раскаялась Ленка.

Действительно, на протяжении всего разговора Наташа явственно слышала цоканье клавиш ноутбука. Работает, значит. И то хорошо. С Ленкой такое бывало нечасто. По насто-

янию родителей после школы она получила экономическое образование, но никогда в этой области не работала. Еще до универа Лена назначила себя творческой личностью и с тех пор вечно пыталась то писать книгу, то заниматься фотографией, то быть дизайнером одежды. Ни успеха, ни каких-то более-менее серьезных и постоянных денег это не приносило, и родители, точнее отец, до сих пор были вынуждены материально ей помогать, фактически – содержать. И тут на тебе – проект она делает срочный!

– Ладно, я понимаю, – примирительно сказала Наташа. – Мне это все как снег на голову упало.

– И мне, – поддакнула дочь.

– До сих пор в себя прийти не могу. Он ведь только вчера мне обо всем сообщил. Дома не ночевал. Сказал – за вещами позже приедет. – У Наташи ощутимо защемило в носу от набегающих слез.

– Мам, давай я с ним вечером встречусь? – предложила дочь. – Поговорим. В конце концов, он обязан объяснить мне свое поведение!

– Делай как знаешь. Но не думаю, что он будет что-то такое про себя объяснять.

– Нет, должен! – заупрямилась Ленка. – У меня с ним нормальный контакт, так что я хотя бы сумею понять, что случилось. А потом тебе позвоню. Хорошо?

На том и договорились. К собственному удивлению, после этого разговора Наташа почувствовала себя немного спокой-

нее. Действительно, допытываться, как он «дошел до жизни такой», и задавать мужу унизительно-мелочные вопросы она сама ни за что бы не стала. Но это вовсе не значило, что ей было бы неинтересно узнать ответы на них. А Ленка справится точно.

Из всей семьи именно у нее были самые близкие отношения с Алексеем. Сам он не особо скрывал, что дочь была его настоящей любимицей, в ущерб сыну. Наташе такой подход был глубоко непонятен, она одинаково сильно любила и сына, и дочь. И чувствовала себя обязанной уделять Костику больше внимания, чтобы хоть как-то компенсировать отцовскую холодность. К ее огорчению, со временем контакт с сыном заметно ослаб: выучившись на программиста, тот целиком погрузился в какой-то неведомый матери виртуальный мир. Выныривая на поверхность «реала», как он говорил, Костик становился все более непонятным и странным. В детстве он был милым забавным карапузом, маминой отрадой. Рано увлекся компьютерами, еще в средней школе уже отлично в них разбирался, чем Наташа очень гордилась. И простодушно радовалась тому, что в отличие от Ленки с ее постоянными закидонами у Костики пубертатный период прошел спокойно. Никаких поводов для тревог, подозрительных компаний и ночных прогулок – все вечера и выходные мальчик был дома, сидел за компьютером и хорошо кушал. Правда, со временем малоподвижность и вкусная мамина еда привели к появлению лишнего веса. Сначала Ко-

стик не обращал на это внимания, но позже, уже в юности, все же решил «взяться за себя». Однако вместо того чтобы просто пойти в спортзал, как другие ровесники, вдруг увлекся «зеленой» идеологией и решил, что хочет стать вегетарианцем. С тех пор, пока жил дома, постоянно изводил Наташу лекциями о том ущербе, который она наносит окружающей среде своими поездками на автомобиле, приготовлением бульонов и котлет и нерациональным использованием ресурсов. Когда отец купил квартиру и ему, Наташа (хоть и сама стыдилась этого) вздохнула с облегчением – все-таки жить в обстановке вечных укоров и нотаций было трудно. Года два назад Костик познакомился с Евой, невзрачной худосочной девицей, еще более увлеченной «зеленой» идеологией, чем он сам, женился и под влиянием молодой жены сделался веганом. Теперь они напоминали двух деловитых хомячков: ездили исключительно на велосипедах и самокатах, тщательно подбирали еду и бытовую химию без единой животной молекулы и придирчиво изучали составы тканей, из которых шилась одежда и постельное белье. Детей у них не было и не предвиделось. Похоже, оба были так заняты поиском наиболее экологичного способа выживания в каменных джунглях, что думать о продолжении рода им было решительно некогда. Да и просто радоваться жизни – тоже.

В общем, дети выросли... Такими, какими выросли, а не такими, какими их растили. Но Наташа сумела с этим смириться и научилась принимать сына и дочь такими, какими

они были. Пришла к выводу, что одна из главных родительских мудростей – вовремя понять, что твой ребенок – это самостоятельная личность со своим характером, со своими взглядами на жизнь и собственное будущее. А вовсе не твоя улучшенная копия, чье предназначение – реализовать твои невоплощенные планы и мечты.

Вечером Ленка не перезвонила. Лишь в середине следующего дня, когда Наташа уже успела махнуть рукой на эту затею, у нее зазвонил телефон.

В разговоре выяснилось следующее. С отцом Ленка встрети­лась и «предельно жестко» с ним пообщалась. Как это могло выглядеть на практике, Наташа понятия не имела. Алексей был не из тех людей, которым можно указывать на ошибки или давать советы и уж тем более – помыкать. Любую попытку подобного «конструктивного диалога» со стороны членов своей семьи он всегда пресекал в зародыше, даже если тема была совершенно невинной. И неужели сейчас он стал выслушивать упрёки от собственной дочери?

Но с Ленкиных слов получалось, что стал.

Пересказ разговора вышел довольно сумбурным. Устав от Ленкиных отрывочных восклицаний, Наташа стала задавать наводящие вопросы. И как-то само собой получилось, что все они были в основном о счастливой сопернице, которая развалила ее семью.

Интуиция не подвела – это действительно оказалась Арина. В разговоре с дочерью отец не счел нужным скромничать

или стесняться и говорил о будущей новой жене много, свободно и с удовольствием.

Судя по рассказам Лены, к категории провинциальных охотниц за богатым мужем Арина не относилась. Была коренной петербурженкой, знала два языка – английский и какой-то еще, кажется, польский, – имела собственную квартиру где-то на Юго-Западе, просторную, современную и отлично обставленную.

– С потрясающей, кстати, архитектурой и планировкой! Я видела такие на сайтах риелторских агентств, – с восторгом напирала дочь на живо интересующую ее тему.

С недавних пор Лена была сильно озабочена «квартирным вопросом»: подаренная отцом квартира ее решительно не устраивала, и она мечтала перебраться в старый центр, чтобы жить поближе к «подлинной душе Петербурга». А Наташа, услышав про Юго-Запад, лишь подумала: как же он, бедный, будет до работы теперь добираться? Через весь город ехать придется, через все пробки, утренние и вечерние...

От их собственной квартиры до промзоны, где располагалась фабрика Алексея, было от силы двадцать минут езды.

Так вот, Арина, оказывается, вроде даже и не собиралась уводить Алексея из семьи. Их служебный роман продолжался уже давно, лет пять, и все это время Арина как будто и не тяготилась ролью любовницы. А когда случайно забеременела – оказывается, проруха бывает не только на старух, но и на практичных молодых женщин, – взвесила все «за» и

«против» и решила, что готова родить ребенка. О чем и поставила в известность Алексея Олеговича Добрынина. А уж захочет он разделить эту радость с ней или нет, ее не особенно волновало. Алексей Олегович захотел. Захотел до такой степени, что чуть ли не на коленях с кольцом в коробочке и букетом наперевес испрашивал у нее руки и сердца. Арина подумала – и согласилась.

«Интересно как получается... – невесело думала Наташа, слушая, как Ленка очень похоже изображает отцовскую манеру разговора. – А тот факт, что он вроде как еще официально женат, ему не мешал?»

Жить молодые планировали сначала в квартире Арины, а после, когда будет сделан ремонт в загородном доме Алексея, перебраться туда.

– Ремонт? Какой еще ремонт? – всполошилась Наташа. – Мы ведь его только три года назад сделали. Полностью всю инженерку переложили!

– Мам, ну ты как маленькая, честное слово, – снисходительно протянула Ленка. – На черта ей сдался ваш... как бы помягче выразиться... ретр디자인? У нее дома сплошной хай-тек и контемп с элементами лофта.

– Чего-чего? – не поняла сначала Наташа.

– Контемпорари, – с охотой взгромодилась на любимого конька Ленка. – Точечные заимствования и искусство деликатного компромисса. Помнишь, в том сериале, где...

– Подожди, – нетерпеливо перебила Наташа. – Ты-то от-

куда знаешь? Ты что, у нее была?!

– Нет, разумеется. Еще нет, – успокоила ее дочь. – Но в ее блоге полным-полно фоток. Сама посмотри. Хочешь, я тебе скину ссылку?

Наташа с досадой поморщилась. Она и сама не раз собиралась поискать Арину в соцсетях, но останавливала себя, считая, что это будет уже как-то чересчур.

– Обойдусь, – буркнула она.

– Нет, я все-таки скину, – продолжала настырничать дочь. – Должна же ты знать, как папа будет теперь жить. Он тебе все же не чужой. Кстати, я хотела с тобой кое-что обсудить. У меня тут наклеывается парочка вариантов... Как думаешь, квартира в двухэтажном особняке на набережной Ждановки – не полный зашквар?

– Это в котором? Из тех, что пленные немцы в пятидесятые строили? Без ванной и с полами из досок? Зашквар, дорогая. Совершенный зашквар. – Ленкин жаргон Наташа прекрасно освоила, едва только та с головой погрузилась в поиск своего кусочка «души Петербурга».

– Вот мне тоже так показалось еще до просмотра, едва я фотки в интернете нашла, – протяжно вздохнула дочь. – Ладно. Будем искать дальше.

Посчитав, что уделила маминым проблемам достаточно времени, Ленка решительно переключила разговор на свои. Наташа привычно выслушала ее пространные повествования сначала о поиске квартиры, потом об очередном «по-

клоннике», как Ленка называла своих бесконечно меняющихся любовников. Ее личная жизнь была столь же сумбурна и непостоянна, как и профессиональная. Лена относилась к той породе людей, которые готовы с удовольствием и азартом без конца наступать на одни и те же грабли. Все время увлекалась кем-то похожим на нее саму – таким же носителем хаоса с огромными амбициями и самомнением, но стойко равным нулю КПД, – сходилась с ним или маялась от несчастной любви, потом разочаровывалась, расставалась, какое-то время страдала от депрессии, а после начинала все сначала с новым «поклонником». Вот и сейчас у нее в разгаре был очередной «офигенный» роман. Излив матери душу, она распрощалась с ней в самом энергичном расположении духа, рассеянно брякнув в конце «папке привет» и, видимо, совершенно забыв, по какому поводу вообще звонила.

Наташа только вздохнула. Что тут скажешь? Разве может она осуждать дочь за то, что та с головой погружена в собственную жизнь?

Эх, дети-дети...

В отличие от сестры, Костик, кстати, так и не позвонил. Вообще. Только написал. Через три дня после памятного разговора с Алексеем Наташа получила сообщение от сына. Какую-то сущую ерунду, форменное мальчишество: «Ну и что вы с папой не поделили?»

Было понятно, что эта новость выбила Костю из колеи и он просто не знает, как правильно реагировать. Объяснять

сыну, что именно они с Алексеем «не поделили», у Наташи не было ни сил, ни желания. Раз Костик решил не звонить, а написать, значит, на сочувственный разговор ей не стоит рассчитывать. Что ж, сама она тогда тоже звонить не станет.

И Наташа ограничилась общим, отстраненным ответом, едва не шутливым: мол, все уже поделили. Разводимся.

Потекли дни. Оправившись от первого шока, Наташа постепенно начала осознавать, что вся ее привычная жизнь рухнула. Она очень старалась держаться достойно и не устраивала мужу ни скандалов с обвинениями и оскорблениями, ни жалких сцен со слезами и просьбами «не бросать», как делают многие женщины в подобной ситуации. Правда, спокойствие это было обманчивым и очень нестойким и так и норовило подвести в самый неподходящий момент. Так, к примеру, случилось после того, как Алексей забрал свои вещи. Он действовал максимально деликатно (грузчики побывали в доме в отсутствие Наташи), но все равно по квартире она потом ходила в слезах и со странным чувством: это была смесь брезгливости, растерянности и обиды. Как будто ее дом обокрали. Как будто чьи-то чужие жадные руки рылись в шкафах с одеждой, в ящиках столов, на антресолях... Но ведь – не чужие! Это ее муж, Алексей, забирал свои личные вещи. И забрал-то явно по минимуму: очень многое осталось на месте. Неужели он приедет еще раз? Нет, она этого просто не выдержит!

Но выдержала. Выдержала как миленькая: и этот самый

повторный визит (хоть снова при нем не присутствовала), и личную встречу, да не одну, во время которых Алексей то показывал, то вручал ей какие-то документы, то ли расписки, то ли уведомления, то ли договоры. Все это было важной и нужной частью жизни двух взрослых людей, которые, окончательно расходясь в разные стороны, изо всех сил стараются сделать так, чтобы минимизировать возможные обоюдные неудобства.

И она старалась. Очень старалась. После того как попыталась сразу, не вдаваясь в содержание, подписать какую-то бумагу и он на нее накричал, стала внимательно читать все, что приносил Алексей, хотя при этом вообще не улавливала смысла. Дважды съездила с ним в брокерскую компанию. Трижды – в банк. Точнее, в три разных банка. Или все-таки в два?

Наташа не помнила.

Месяц, отпущенный «на примирение», прошел как во сне. В день развода они встретились в ЗАГСе и, подписав все необходимые документы, получили свидетельства. Каждый – свое. Глядя, как широкоплечий, еще не старый краснотлицый мужчина с сильными залысинами на лбу и висках аккуратно укладывает свой экземпляр в папку, затем прячет ее в портфель и рассеянно оглядывается по сторонам, словно раздумывая, что делать дальше, Наташа невольно вспомнила их свадьбу. Тридцать пять лет назад этот же Алексей, тогда еще статный, красивый сероглазый парень в костюме

восхитительно-кофейного цвета, веселым шепотом щекотал ее ухо, прижимая к нему невесомость фаты.

– Наташка, смотри, нам дали одно! Чур, мое будет!

– Что же тут удивительного, молодой человек? – строго спросила его тетенька-распорядитель с золотой муаровой лентой через плечо, водя лакированной указкой по строчкам для подписей новобрачных. – Вы же теперь семья. Одно целое. Значит, и свидетельство у вас должно быть одно на двоих.

Неужели все это было взаправду?

Может, и было. Но теперь одного на двоих у них ничего не будет. Теперь у каждого все только свое, отдельное – начиная с документа о разводе.

– Спасибо, что все прошло так... как прошло. – Голос Алексея вернул Наташу в реальность. Он протянул руку – то ли для рукопожатия, то ли просто хотел дотронуться на прощание, – но, словно бы осознав неуместность подобного жеста, тут же и отступил на пару шагов. – Я поеду, извини. Куча дел на сегодня. А еще и на работу надо будет успеть.

Наташа кивнула, делая вид, что понимает. Обозначенная им «куча» определенно была связана не с работой.

– Конечно, я понимаю. Поезжай.

– Вот и отлично. – Он все-таки сделал усилие над собой и, посмотрев ей в глаза, сказал то, чего она уже и ждать перестала: – Прости меня. Пусть не сейчас, но потом. Если что-то понадобится... В общем, будем на связи.

Выйдя из здания, они еще раз кивнули друг другу и, как в любой порядочной мелодраме, устремились в разные стороны.

Уже стоя рядом со своим стареньким авто, Наташа поймала взглядом джип мужа. Он проехал совсем близко, в каком-нибудь метре или полутора от нее. Сквозь широкое боковое стекло его профиль был отчетливо виден.

Головы в ее сторону Алексей не повернул.

Наташа на мгновение закрыла глаза и судорожно вздохнула.

Вот и все. Кончено. Теперь – точно.

Глава 3

За прошедшую после развода неделю Наташа в полной мере ощутила, что машина ее прежней налаженной жизни исчерпала всю инерцию отпущенного ей движения и готова вот-вот ткнуться в кювет. Заторможенность и апатию, сковавшие все ее мысли и чувства накануне похода в ЗАГС, сменили боль и глухая тоска. Ни делать что-либо, ни куда-то ходить абсолютно не хотелось. С сентября в фитнес-клубе начался долгожданный курс продвинутого пилатеса, на который Наташа записывалась еще в июне, но ни одного занятия она так и не посетила. И вообще забросила тренировки. Привычные мелочи – косметологи, запланированная новая стрижка, прогулки, театры, бассейн – больше не вдохновляли и казались пустой тратой сил. Зачем они ей теперь? Хотя времени обычно хватало на все, а сейчас его стало вроде бы даже больше, но... Как часто бывает с людьми, внезапно выбитыми из привычного ритма жизни, это самое время утекало сквозь пальцы – собиралось застойными лужицами скучных пустых вечеров, мелкими брызгами судорожных неотложных забот разлеталось в разные стороны, оставляя после себя не удовольствие от выполненного дела, а лишь ощущение утомительной суеты, бессмысленной и напрасной.

Хотя неожиданно отыскалось занятие, которое Наташу действительно увлекло. Настоящее guilty pleasure, как сказа-

ла бы Ленка, успевшая поучиться на каких-то психологических курсах и полюбившая с той поры разные заумные термины. Но это было постыдное удовольствие. Грешноватое даже, если начистоту.

Регулярно, а порой и по несколько раз на дню, Наташа навещала страницы блога Арины. Стыдилась, ругала себя за этот внезапный «вуайеризм», но ничего не могла с собой поделать. Там было на что посмотреть. Арина в полной мере была современным «сетевым» человеком, и новости в ее блоге появлялись практически ежедневно, а порой и по несколько в день. Каждый, даже самый коротенький пост сопровождался несколькими фотографиями. Так что и без звонков Костику или Ленке, без всяких унижительных выспрашиваний Наташа могла подглядывать за новой жизнью своего старого мужа.

Именно так она для себя обозначила этот процесс: «Новая жизнь моего старого мужа».

И наблюдала за ним, словно за рыбкой в аквариуме.

Из блога Наташа узнала о дате свадьбы Арины и Алексея – она была назначена на 21 октября. Сначала оторопела: позвольте, как это так? Ведь развод они оформили только 6-го... Даже если пресловутая «куча дел», о которой бывший муж упомянул в день развода, включала в себя подачу нового заявления, дату свадьбы им никак не могли назначить раньше первой ноябрьской декады. А то и позже. И тут – на тебе!

Получалась, что вся эта кипучая деятельность была за-

пущена давным-давно, задолго до только что состоявшегося развода с Наташей. Если можно так выразиться, шикарный свадебный лимузин уже мчал Алексея на всех парах к новому счастью, а саму Наташу за ненадобностью просто высадили у въезда в тупик под названием «мое прошлое с без пяти минут пенсионеркой».

Ничего себе новости...

От таких мыслей лицо Наташи пошло пунцовыми пятнами. Нет, конечно, никакая она не пенсионерка! Алексей, между прочим, хоть и разница между ними была всего-то пять лет, всю жизнь выглядел значительно старше. Минимум лет на десять, в последние годы – на все двенадцать, а то и пятнадцать. И то, что он женится на ровеснице своей дочери, нисколько не делает его моложе. И уж тем более не делает его моложавую жену – ладно, пусть теперь уже бывшую жену – пенсионеркой.

Хотя, полистав фотографии Арины из последнего отпуска, пылающая праведным гневом Наташа несколько подостыла, а потом и вовсе сникла. Нет, она не пенсионерка, конечно – и выглядит, и чувствует себя великолепно, – но тягаться с Ариной ей явно не стоит. Чего уж людей-то смешить.

Новым ударом стал факт беременности Арины близнецами. Узнав об этом из очередного поста, Наташа как заведенная принялась отматывать новостную ленту назад, вновь и вновь вглядываясь в счастливые лица соперницы и бывшего мужа. Подумать только, у Алексея будет еще двое маль-

чишек! И это после такого многолетнего перерыва! Этому факту можно было бы только радоваться, если бы... если бы это был кто-то другой, а не ее собственный бывший муж.

Мысленно она все еще продолжала так его звать: собственный, хоть и бывший.

В середине октября, после очередных выходных, Арина, как по заказу, выложила целую серию фотографий их с Алексеем загородного дома. «Их с Алексеем» – нет, вы только подумайте! Тот факт, что Наташа отделявала его собственными руками, во внимание, естественно, больше не принимался. А ведь она сама сажала все деревья и ягодные кусты, обустривала клумбы и бордюрные цветники вдоль кирпичных дорожек. Добротная теплица с отоплением и системой капельного полива, садовые гномы, привезенные свекровью и свекром из Черногории, высокие «скандинавские» грядки... Теперь это все пойдет под нож. Вернее сказать, под бульдозер. У Арины наверняка другие планы и совершенно другие вкусы. Устроит детскую площадку, к примеру. Или английский газон. Или выкопает бассейн.

На фотографиях вся жизнь Арины и Алексея дышала праздником и беззаботным весельем. Наташа, естественно, понимала, что обычных будней у них наверняка тоже хватает, но все равно – улыбающимся так часто и так широко она не видела своего мужа уже много лет. Он то держал Аринину руку, то обнимал ее плечи, то, усадив на колени, дурачился с ней на широких садовых качелях, стоявших под раскидистой

яблоней, щедро забрасывавшей «молодых» желтой осенней листвой.

Все это было похоже на сказку. В крайнем случае – на рекламу. Стыдясь и ругая себя, Наташа, всякий раз присаживаясь к старенькому Ленкиному ноутбуку или берясь за телефон, чувствовала, что собственными руками вонзает себе в сердце нож. Еще и проворачивает чуть ли не с хрустом.

Как, ну как теперь жить?!

Пытаясь хоть как-то справиться с творящимся в душе дискомфортом, она отчаянно старалась переключиться. В неурочные дни звонила Ленке и Костику, чему и одна, и другой были не очень-то рады. Наташа и сама это понимала. Что поделать – у детей давным-давно своя жизнь. Неудивительно, что они не слишком рвутся впускать в нее маму.

Зато обе закадычные подруги, Таня и Катя, готовы были слушать ее, кажется, бесконечно. Особенно Таня. И Наташа с удовольствием изливала ей душу.

Дружили они лет сто, познакомились еще на подготовительных курсах и были очень рады, что оказались в одной группе. За пять лет учебы в институте дружба оформилась и окрепла, и, когда после вручения дипломов почти все однокурницы быстро потеряли друг друга из виду, кто выйдя замуж, а кто переехав, Наташа и Таня сохранили прежнюю связь. Они были ровесницами и поначалу двигались по жизни практически в одинаковом темпе. В один и тот же год вышли замуж, с разницей в несколько месяцев родили по доч-

ке. Правда, после декретного отпуска Таня, подгоняемая семейным безденежьем, вышла на работу, а Наташа так и осталась «заведовать домом», не нуждаясь в собственном заработке, – семья обходилась доходами мужа, да еще и свекры помогали. С годами финансовая пропасть между подругами становилась все более ощутимой, но дружбе это нисколько не мешало. В конце концов, любому нормальному человеку понятно, что деньги – это последнее, что может стать стимулом к дружбе. И в понимании этого факта Наташа не была исключением.

Таню она знала давно – дольше, чем кого-либо, даже дольше мужа, – и прекрасно видела все ее достоинства и недостатки. Особым честолюбием подруга не обладала. В Техноложку поступила по принципу «все побежали – и я побежал». Хотя у самой Наташи, еще до того, как открылась перспектива замужества, были самые серьезные планы: училась она отлично, химией интересовалась всерьез, и ближе к концу учебы ей даже начали намекать на возможность аспирантуры, но не сложилось. Зато Таня почти всю жизнь проработала «по специальности», как сама, посмеиваясь, говорила, если речь вдруг заходила о ее работе, хотя к химии ее профессиональная деятельность имела довольно смутное отношение. Всю жизнь Таня проработала в химчистках – сначала, в трудные девяностые, приемщицей, потом начальником смены, а теперь и заведующей отделением в большой сети. Настоящая карьера ее не интересовала, и крошечный каби-

нетик с прозрачной стеклянной стеной, обращенной к рабочей зоне, стал верхом профессиональных стремлений.

Внешне подруги являли собой два типа противоположностей. В отличие от худенькой, живой и подвижной Наташи, Таня была ширококостной, неторопливой и словно бы всегда чуть-чуть сонной, заторможенной в поступках и рассуждениях. С детства склонная к полноте, к пятидесяти годам она лишь ценой невероятных усилий сумела не превратиться в законченного колобка и постоянно сидела на разных модных диетах, называя их почему-то постами, хотя ни религиозной, ни набожной никогда не была. Зато была мягкой, улыбчивой, доброжелательной и всегда готовой помочь. Это последнее качество Наташа смогла оценить в полной мере, едва только Таня узнала, что ее лучшую подругу оставил муж.

– Вот же гад! – бушевала Танюшка в телефонную трубку, заглушая Наташины всхлипы и протяжные вздохи. – Негодяй, подлый мерзавец! И как только земля таких паразитов носит!

Наташа в ответ только печально вздыхала, соглашаясь с праведным Таниным гневом. Сама она так и не смогла заставить себя бранить мужа вслух. Попробовала было – и не пошло, ни удовольствия, ни облегчения это занятие не приносило. Звуки собственного голоса, трагически восклицавшего что-то вроде «Сволочь, да как он посмел?!», казались ненатуральными, от чего и чувства вроде как теряли в цене. Хотя чувства как раз были самыми что ни на есть ис-

кренными, и в глубине души, когда миновала первая растерянность и разверзлись бездны справедливой обиды, какими только словами она Алексея не называла. В такие моменты все Танины «мерзавцы и подонки» по шкале от нуля до десяти скромно топтались где-то между единицей и двойкой.

С трудом уложив в голове подружкины новости, Таня припомнила Алексею все: и «седину в бороду», и черную неблагодарность в ответ на Наташину круглосуточную заботу о нем самом, его родителей и его детях, и коварство, и двуличность, и холодный, бездушный расчет. А как же?! Нет, вы только подумайте: планировать новую свадьбу при живой-здоровой, еще не разведенной жене! Да разве порядочный человек на это способен?

За такое бурное сочувствие Наташа была ей очень признательна. И совершенно искренне, кстати. Действительно, Таня прекрасно знала, о чем говорит: сама всю жизнь прокрутилась между мужем, дочкой, домом-дачей и работой. А в последние годы на нее еще и двух внуков навесили. Так что, если бы ее Толик хоть вякнул что-нибудь про развод, она бы его на клочки разорвала. А Наташа стерпела. Еще и согласилась покорно на те жалкие крохи, что Алексей предложил ей в обмен на согласие отпустить его без суда. Обобрал небось до последнего... Узнав, что не обобрал, подруга все равно не смирилась.

– Ты, Наташка, просто святая какая-то, – говорила Таня, когда они встретились уже после Наташиного развода. – Не в

том смысле, что с нимбом на голове, а блаженная. Бессребреница. Что дали, то и взяла. Кто так делает? Надо было добиваться, чтобы все по справедливости поделить.

– По справедливости? Это как? – растерянно переспрашивала Наташа, думая совсем о другом.

– Ну... не знаю, – уклонялась от прямого ответа Татьяна, явно не представляя сама, где она, эта самая чужая справедливость. – Во всяком случае, тверже отстаивать свои права. Чтобы он не вздумал считать, что на тебя можно сесть и поехать!

– Да он как раз так и не считает, – нервно усмехалась Наташа. – «Лошадь сдохла – слезь». Так в интернетиках, кажется, пишут? Я в данном случае не про себя говорю, как ты понимаешь, а про нашу семью. Для Леши ее больше нет, этой лошади. Поэтому он слез – и дальше пошел. Заводить новую.

– Вот мужики... – горестно покачала головой Таня и погладила Наташину руку. – Нет, ну что за люди?! Как так можно?!

Подруги сидели у Наташи на кухне и пили чай. После развода прошло уже несколько дней, и Таня, как чувствуя, что Наташе делается только труднее, напросилась к ней после работы вечером в гости. Толик уже дважды звонил ей с какими-то домашними глупостями: спрашивал, скоро ли она придет и можно ли ему съесть последние две котлеты, оставшиеся со вчерашнего дня в холодильнике. Таня лишь отмах-

нулась, а потом и вовсе прикрикнула на него:

– Что ты пристал со своими котлетами?! Ешь сколько влезет. Я у Наташки сижу. Приду, когда... когда надо, тогда и приду. И не забудь после себя посуду помыть.

Тем вечером они просидели часов до одиннадцати. Разговаривали, не замолкая, обо всем: о молодости, о детях. Наташа даже предложила подруге остаться ночевать в гостевой, чтобы утром прямо отсюда двигаться на работу, но та отказалась:

– Спасибо, Натусик, но я завтра в офис по-любому не собиралась. Поедем на дачу. Надо последние яблоки обобрать да теплицы помыть. Хороший денек обещали.

Наташа покивала и опустила глаза, чтобы Таня не заметила нового повода для ее огорчения. Милые хлопоты – теплица, яблоки, дача... Все это больше не для Наташи.

В конце вечера, уже поглядывая на часы, Таня все же не удержалась и аккуратно затронула тему, которая ее живо интересовала:

– И как же ты теперь будешь жить?

– Не знаю, – неопределенно пожала плечами Наташа. – А там проживем – увидим.

– Тебе надо обязательно кого-то найти. Пока не поздно, – с решительностью в голосе заявила подруга.

– Кого найти? – не поняла Наташа.

– Мужика, разумеется. Кого же еще? – Таня пристукнула по столу ребром короткопалой ладони.

– Как это? Для чего? Где я его буду искать? – удивленно заморгала Наташа.

– Для того, что ты интересная, умная и совсем не старая женщина. С потребностями. – Тут Таня многозначительно выгнула бровь. – Чего себя раньше времени хоронить? Жизнь продолжается. К тому же привыкшая к определенному образу жизни. – Она демонстративно обвела руками Наташины кухонно-столовые хоромы. – Зачем от него отказываться? Петербург ведь немаленький. Вокруг полно подходящих кандидатур: вдовцов, разведенных, никогда не женатых. Достаточно состоятельных, чтобы ты могла и дальше жить, как жила. Нужно только знать, где искать.

– И где же? – вновь машинально спросила Наташа.

Признаться, слова Татьяны ее поразили. Ей самой подобные мысли в голову как-то не приходили. Хотя казалось бы – чего проще? И Таня в чем-то права. Нет смысла ставить крест на собственной жизни лишь потому, что муж завел себе другую, моложе и энергичнее.

Увидев, что высказанная идея явного неодобрения у подруги не вызывает, Татьяна приободрилась и принялась развивать свою мысль:

– Наташка, ну оглянись: ведь двадцать первый век на дворе! Вовсе не обязательно сидеть у окна и смотреть на улицу – вдруг кто-то мимо пройдет? Ты же любишь мотаться по театрам, по выставкам, по концертам? Ну и вот. Не теряйся! Наверняка в твоём фитнес-клубе не одни только женщи-

ны занимаются. Наконец, есть разные специальные сервисы в интернете...

– Ну уж нет! – замахала руками Наташа. – Это для малолеток.

– Ерунда! – решительно перебила Татьяна. – У нас на работе одна девочка так познакомилась аж с замминистра. Свадьбу играли на горнолыжном курорте где-то под Сочи, представляешь?

– Не очень, – призналась Наташа. – Как это – расписывались, стоя на лыжах, что ли?

– Да при чем здесь лыжи?! – вновь возмутилась Татьяна. – Это же просто пример. Я к чему это все говорю: не тушуйся, Наташка! У тебя еще куча всего впереди. Подумаешь, на молодухе он женился! – Тут она вновь принялась на чем свет костерить Алексея. – Новых детей захотелось, старых не знает, куда девать! Утри ему нос! Он еще пожалеет!

Наташа слушала ее, улыбаясь. Кивала, временами поддакивала, но в глубине души понимала, что этот вопрос не занимает ее так серьезно, как настаивала Татьяна, и не требует немедленного разрешения. К тому же онлайн-знакомства – это точно не для нее. Проводить время за компьютером она не особо любила. Делала это только по необходимости – рецепты уточнить, посмотреть любимые кулинарные шоу на местном питерском телеканале. Что же до остального... Может быть, смысл в этом есть. Но в любом случае – не сегодня. Не завтра, не на следующей неделе и даже не через месяц.

Сейчас она слишком опустошена, чтобы думать о каком-то другом мужчине.

Катя, другая подруга Наташи, была полной противоположностью Тани. Во всем – начиная от внешности и кончая расстановкой жизненных приоритетов. Это была яркая, энергичная женщина, самостоятельная и властная. Незамужняя, а значит, не обремененная «проблемами, связанными с постоянным присутствием в ее жизни одного и того же мужика», как она сама неизменно повторяла. Катя была на девять лет младше Наташи. Познакомились они в школе, где учились их дети – Наташин Костик и Катин Севка-балбес, каким она его в то время считала. Все школьные годы Наташа была членом родительского комитета в классах у обоих детей, а у Кости даже и председателем. Устраивала детские праздники, фотосессии и выпускные, сопровождала экскурсии, организовывала покупку подарков учителям и все в таком духе. Катя во всей этой суете не участвовала, ей было некогда – она занималась карьерой. Но ее Севка и Костик дружили и даже сидели за одной партой, так что их матерям тоже волей-неволей пришлось познакомиться, а потом, узнав друг друга получше, неожиданно и подружиться.

Родила Катя рано, едва ли не на первом курсе инженерно-экономического института, к тому же не будучи замужем. Отца Севы бросила сама, заключив, что он не тот человек, что ей нужен. Родители помогали растить сына, и Катя ухитрилась окончить вуз, учась то на вечернем, то на заочном,

а параллельно еще и работала. В итоге, сделав хорошую карьеру, сейчас была начальником отдела в крупной страховой компании. Ее сын Сева, перестав к концу школы балбесничать и, как и Костик, выучившись на программиста, уже несколько лет жил и работал где-то в Европе. Одно время у Кати тоже завелись было мысли перебраться жить за границу, даже какой-то кавалер в Финляндии образовался. Все было почти серьезно, но не срослось. Осознав это и ни минутки не прогоревав, она выкинула своего несостоявшегося Тахво из головы и осталась с тем, с чем была: приличной и неплохо оплачиваемой работой и периодически случающимися «отношениями», которые длились ровно столько, сколько Катю это устраивало. Разонравился – до свидания, такие у нее были взгляды на жизнь. Ничего материального от мужчин ей не требовалось – у нее и так было все, что разумная женщина может позволить себе за деньги, – а нужно было, похоже, лишь самоутверждение и ощущение себя «первым призом», в борьбе за который желающие готовы по-прежнему строиться в очередь.

Несмотря на прошедшие годы и несходство характеров Наташи и Кати, их дружба была живехонька и совсем не думала увядать. Ведь, помимо различий, их многое объединяло. В силу характера и рода занятий (с кем только не имеют дело успешные страховщики!) у Кати было полно интересных знакомых, особенно в самых разных сферах искусства. Так что именно Катя все последние годы составляла Наташе

компанию в посещении выставок, театров и модных торговых центров. Причем чаще всего сама «выводила подругу в свет» – на премьеры, интересные гастрольные спектакли и вернисажи. С Таней Наташа проводить время подобным образом не могла – та была глубоко равнодушна к театрам и выставкам. Из всех видов искусств ее привлекали только сентиментальные сериалы и прикладной дизайн – что Таня по-настоящему любила, так это прогуляться по магазинам. Но тут уж Наташа старалась пореже попадаться ей под руку: ассортимент вещевых рынков типа несокрушимо-вечной, как египетские пирамиды, Апрашки, ее не прельщал, а покупки в галереях и бутиках Татьяна не могла себе позволить. Поэтому с ней Наташа, как правило, ходила только по магазинам недорогих товаров для сада и дома. Там можно было найти что-то подходящее для обеих, не уязвляя друг друга очевидной разницей бюджетов.

Катин взгляд на Наташин развод был диаметрально противоположен Таниному. Вникнув в подробности, как человек прямой и не склонный путано формулировать то, что можно сказать простыми словами, она прямо заявила подружке, в чем именно та сама виновата.

– Во-первых, нельзя полностью зависеть от мужика. Всегда надо что-то и собой представлять, что-то делать самой, чтобы иметь возможность в случае чего самостоятельно себя обеспечивать. Вот как сейчас у тебя получилось. Жизнь – штука непредсказуемая, и надеяться можно только на себя.

Ты ведь об этом не думала? Разумеется, нет. Всю жизнь прожила у мужа на иждивении, не развивалась, никак себя не реализовывала – вот и осталась у разбитого корыта. А во-вторых, признайся, Наташка, ты же давно знала, что у Алексея кто-то есть. Ты ведь умная баба, хоть и домохозяйка. Знала – и молчала, терпела, делала вид, что ничего особенного не происходит. Но разве можно настолько себя не ценить, не уважать? Где твое чувство собственного достоинства?

Слушать такое было ужасно обидно. Но и не признать Катину правоту Наташа не могла. Да, все так и было – молчала, делала вид, закрывала глаза. Но разве ее совершенно понятное искреннее желание сохранить семью уравнивает их с Алексеем в ответственности за происшедшее? Так Наташа не считала.

И в этом Катя была с ней согласна.

– Слизняк он трусливый. Ссаная тряпка, а не мужик, – заявила она, снова не утруждая себя поисками дипломатически выверенных выражений. – Вот уж никогда не подумала бы, что Лехе элементарно духу не хватит сделать все по-людски. Ну, разлюбил ты свою прежнюю бабу, на другую глаз положил... чего уж теперь? Всяко бывает. Так честно ей и скажи, разведись, а потом уже женихаться по новой. А вот это все – Фигаро тут, Фигаро там, и вашим, и нашим – такого не понимаю!

Обозначив свое отношение к бывшему подружину мужу, Катя переключила разговор на собственные заботы. На-

таша слушала, как у подружки идут дела на работе, и невольно сравнивала их двоих – Катю и Таню. С Таней ей было теплее, комфортнее, проще, а с Катей – интереснее, но и гораздо труднее. Ее прямолинейность и грубоватая резкость порой чувствительно задевали, и за годы их дружбы не раз бывало, что после общения с Катей Наташа чувствовала себя растревоженной, уязвленной и даже обиженной. Вернувшись домой с очередной встречи или совместной прогулки, она долго перебирала в уме услышанное от подружки: вспоминала резкость ее суждений, категоричность тона и язвительную иронию замечаний как в адрес общих знакомых, так и в адрес самой Наташи. Повздохав, давала себе слово, что в следующий раз ни за что не позволит над собой так шутить, а если не получится, так и вовсе ограничит общение с этой хорячей занозой. Но когда через некоторое время Катя, которая даже не подозревала, что обидела подружку, звонила-писала и приглашала на какое-нибудь умопомрачительно интересное мероприятие, Наташа с готовностью отправлялась туда, забыв про обиды и искренне радуясь встрече. В конце концов, что с нее взять? У каждого свои недостатки. У Кати, к примеру, эмоциональная резкость и категоричность. Наверняка и сама Наташа не без греха. Так что же теперь – без подруг оставаться?

Глава 4

Октябрь подходил к концу. Как ни старалась Наташа не думать о свадьбе Арины и Алексея, но все равно каждый день заглядывала в Аринин блог и разглядывала новые фотографии. «Новая жена бывшего мужа» щедро делилась со всеми желающими снимками всего подряд. И вариантов будущих луков, заготовленных на первый и второй дни свадьбы (и это – не считая самого главного платья!), и интерьеров снятого для торжества загородного ресторана в Зеленогорске с видом на по-осеннему хмурый Финский залив, и эскизов дизайна торта, и еще тысячи мелочей, которые необходимы каждой приличной невесте. Тем более – выходящей замуж впервые. Так что и фата, и белое платье будут при ней, в этом можно было не сомневаться. А «особые обстоятельства», по счастью, еще не бросающиеся в глаза, Арину совершенно не волновали. Подумаешь, невеста беременна. Кого сейчас этим удивишь?

Досыта насмотревшись на улыбки, букеты, цветочные гирлянды и шелковые подхваты с бантами на стульях и скатертях, Наташа с тоской обводила взглядом собственный дом. Сделать, что ли, перестановку? Или новый телевизор в кухню купить? С тех пор как она осталась одна, ее периодически посещало желание каких-нибудь перемен. Как будто их и так было мало! Смутное, почти не осознанное желание,

вот как эти нелепые мысли про перетаскивание мебели с места на место. Зачем? Что это даст?

Наташа подозревала, что источником подобных идей мог стать последний разговор с Алексеем, состоявшийся уже после развода. В один из дней бывший муж позвонил ей и попросил разрешения заскочить за кое-какими оставшимися мелочами. Наташа не возражала. Когда он приехал и, пройдя в свою бывшую спальню, принялся греметь ящиками письменного стола, она даже не стала смотреть, что он берет. Берет – и берет. Значит, надо. В любом случае никаких ее личных вещей там отродясь не водилось.

Когда он забрал все что нужно, бывшие супруги даже чинно попили чаю и поговорили – как обычно, о детях. Больше о Ленке: о ее новых затеях с работой, о расставании с очередной «любовью всей жизни», о бесконечных поисках «клевого вариантика» для переезда в центр. Пообщались совсем недолго, но Наташе хватило – Алексей мимоходом, может быть, даже и не нарочно, бросил несколько фраз, которые ее сильно задели. По отдельности каждая выглядела вполне нейтрально, но все вместе они ясно давали понять, как к ней теперь относится муж, какими глазами смотрит на бывшую спутницу жизни. Они разные. Теперь это окончательно ясно. У него еще многое впереди: успешно растущий бизнес, новая семья. Скоро он станет отцом близнецов, при воспитании которых обязательно учтет весь свой предыдущий родительский опыт. А активная жизнь Наташи практически кон-

чена. Хотя до пенсии ей еще осталось несколько лет, но это ничего не меняет. Ведь она всю жизнь была всего лишь скучной домохозяйкой. А значит, все ее дальнейшие перспективы теперь ограничены пенсионерскими интересами – примитивными сериалами, сплетнями с подружками и соседками, походами по врачам и кудахтаньем над внуками. Если эти внуки вообще когда-нибудь появятся.

Алексей ушел, а семена неуверенности в собственных силах и будущем, щедро посеянные им в Наташином уме, давали теперь вот такие странные всходы. То ее тянуло передвигать шкафы и диваны, то, жалея себя, плакать от страха и неизвестности, то кидаться к подругам, имитируя с помощью общих старых привычек выскользнувшую из рук жизнь.

Насмотревшись Ариновых фотографий, в одну из октябрьских суббот Наташа позвала Катю прошвырнуться по магазинам. Собрав волю в кулак, накануне решила, что больше не будет киснуть в депрессии. Пора начать новую жизнь! И если сразу не выйдет, хотя бы что-то исправить в нынешней. Почему бы действительно не сменить обстановку? Для начала – ковер и шторы в гостиной, они ей давно разонравились.

Сказано – сделано. Нарядившись в стиле «как ни в чем не бывало» и наложив легкий утренний макияж, Наташа поехала в центр. Подруги встретились в полдень в холле у лифтов торгового центра и, коротко обсудив, кто куда хочет зайти, отправились по длинной галерее третьего этажа, где распо-

лагались магазины домашнего текстиля и дизайнерских интерьерных аксессуаров. В салоне товаров для сна, где других покупателей, кроме них, к этому часу не оказалось, рассеянно фланируя между искусно подсвеченных с разных сторон вращающихся матрасов, Наташа пересказала Кате последний разговор с Алексеем. Та ожидаемо возмутилась его отношением к «женскому вопросу»:

– Ну да, разумеется! Он, видите ли, завидный молодежен, а ты старая курица! Воспитательный опыт он свой учтет... Какой интересно? Что-то я не припомню, чтобы он хоть сколько-нибудь напрягался, когда росли Ленка и Костик. Одна работа была в голове!

Это было сущей правдой, хотя слышать такое от Кати Наташе было забавно. Можно подумать, она сама по полной вкладывалась в своего Севочку. Накормлен, обут-одет в чистое и с кое-как сделанными домашними заданиями топают в школу – вот и все Катино воспитание. И ничего страшного, нормальный человек получился.

– А то, что он тебя скинул с «корабля современности», – вообще свинство! – заявила Катя, деловито впечатывая ладонь в латексную подушку с эффектом памяти и наблюдая, как та раз за разом возвращает себе исходную форму. – Согласно новейшей статистике, женщины сохраняют когнитивные функции гораздо дольше мужчин. Если не запускают себя, разумеется. И дольше живут! Так что, когда он будет в глубоком маразме слюни пускать, ты еще будешь порхать мо-

тыльком в свое удовольствие. Не слушай его больше, Наташка, выброси из головы эту хрень.

Наташа невольно улыбнулась ее словам, примерив к себе образ мультяшного мотылька. У нее будут лазоревые крылышки с шелковистым пушком и золочеными точками ближе к краям и черные туфельки. Она будет пить вишневый и персиковый нектар из только что распустившихся цветов дивного плодового сада и смотреть, как далеко-далеко внизу, на зеленой траве, играют детишки.

Два мальчика.

Близнецы.

Нет уж. Спасибо, дорогое воображение, за такие удивительные фантазии! Без них как-нибудь обойдемся.

Чтобы сменить ей же самой поднятую тему, Наташа принялась рассказывать Кате о дочкиных новостях.

– Представляешь, Ленка, кажется, нашла наконец квартиру своей мечты.

– Поздравляю. И где?

– На Васильевском.

– Фу! Надеюсь, не в наносных новостройках? – Катя в сомнении сморщила нос.

– Наносных? Это где же такие? – не поняла подругу Наташа.

– На намывных территориях. Повадились, понимаешь, потихоньку засыпать Финский залив и строить всякие «Донные жемчужины» и «Жемчужные днища», – пояснила та, ви-

димом, намекая на новые жилые комплексы, о которых Наташа понятия не имела.

– Нет, что ты! Какие еще наносы? Она спит и видит, как будет жить в историческом центре. Нашла себе квартиру на улице Репина. Это возле Академии художеств, сразу за Румянцевским садом, если не знаешь.

– Знаю-знаю, – кивнула Катя. – Мы там в прошлом году возгорание в квартире над обувным бутиком отрабатывали. С последующим затоплением одного пожарной пеной. Убытку было – лучше бы целый склад барахла в Шушарах сгорел, а не эта пафосная живопырка. Репина – самая узкая улица в Петербурге. И до сих пор брусчаткой замощена. Пещерный век! Зачем это Ленке?

– Ну, хочется человеку жить в «доме с душой», как она говорит, – чуть ли не виновато развела руками Наташа. – Правда, это все когда еще будет. Если будет вообще. Ей же надо сначала свою квартиру продать, ту, что Леша купил. Потом сделать ремонт – тоже немалые хлопоты. Она как раз вчера спрашивала, нельзя ли будет в бабушкиной квартире пожить – ну, в той, что мне от мамы досталась, которую я обычно сдаю, – пока новую будут отделывать.

– Да, ремонт – это ужас как дорого! – тут же подхватила Катя. – Еще и небыстро, если делаешь для себя. Я свой последний как вспомню – аж передергивает. Насилу закончила. Даже остекление на лоджии пришлось оставить как есть.

Наташе было отлично известно, что под «последним», да

еще и «своим» Катя имеет в виду ремонт в квартире одного из недавних поклонников, который она затеяла, едва только поняла, что их отношения имеют «виды на перспективу». Поклонник был денежный и остро влюбленный, поэтому не особенно упирался и по простоте душевной своими руками выпустил джинна из лампы. Создав на руинах двухкомнатной холостяцкой берлоги «домашний уют» на свой вкус, Катя немедленно бросила ее обладателя, здраво решив, что бездны дефектов характера, открывшиеся в процессе совместного выбора краски и паркетной доски, столь обширны, что продолжать общение просто нет смысла.

Неторопливо беседуя, подруги перемещались из салона в салон, нигде особенно не задерживаясь. К тому моменту, когда они дошли наконец до нужного Наташе бутика домашнего текстиля, уже успели обсудить и детей, и вычурность новой обувной коллекции любимого Катиного бренда – а ведь она ее так ждала! – и разные прочие новости. Когда Наташа, сделав пару кругов среди вывешенных образцов готовых гардин и шторных тканей, уселась в кресло и попросила консультанта принести ей каталоги с новинками, Катя, оттянув край роскошного мелкофестончатого ламбрекена и демонстративно клацнув фиолетово-пепельным ногтем по пластиковому ценника, вдруг спросила ее:

– А тебе это по-прежнему по карману?

Наташа вскинула голову и даже чуть приоткрыла рот, непонимающе посмотрев на подругу. Затем покраснела и, не

дожидаясь никаких каталогов, встала из кресла и быстро вышла из бутика. Катя нагнала ее уже возле самых дверей.

– Ты обиделась?

– Нет. С чего бы?

– Обиделась, вижу. Ну, извини. Я просто вспомнила, какие у вас в квартире высоченные окна. И широкие. А пять тысяч за метр – совсем не подарочная цена.

– Ну, хорошее качество стоит денег, – пожала плечами Наташа. Резкие слова подруги ее, конечно, задели, но она старалась найти Кате оправдание. Наверное, расстроилась из-за того, что не получилось купить ботинки, вот и сорвала свое неудовольствие на ни в чем не повинной Наташе.

Но Катя не злилась. Обогнув подругу, она встала у нее на пути, заставив остановиться.

– Еще раз – пожалуйста, извини. Я не собиралась обсуждать твои финансы при продавщицах...

– Хоть на этом спасибо, – пробурчала Наташа.

Катя продолжила:

– ...Я думала сделать это чуть позже. Ты утром сказала, что хочешь кое-что поменять, и я очень обрадовалась. Только начинать, на мой взгляд, тебе нужно не с занавесок.

– Да пожалуйста. Разве я против? Можем пойти ковры посмотреть. И накидки на кресла.

– Наташ, – Катя многозначительно посмотрела подруге в глаза. – Ты прикалываешься? Какие ковры? Тебе жизнь свою надо менять. И чем скорее, тем лучше.

Ни до ковров, ни до кинотеатра, куда думали заглянуть, если останутся время и силы, в тот день они не дошли. Затаскив Наташу в первое попавшееся кафе, Катя выложила на стол свой громадный восьмидюймовый смартфон, смахивающий на электронные кухонные весы, и принялась со свойственной всем страховщикам деловито-любезной бестактностью считать ее деньги.

– Вот я смотрю на тебя – и поражаюсь, Наташка. Тебе Ле-ха когда сказал про развод? Ну да, еще в сентябре. Уже октябрь кончается, а ты как сидела сиднем, так и сидишь. Я понимаю, ты переживаешь, но жизнь-то не кончена! Ты хоть раз задумалась, как будешь жить дальше? Ты ведь теперь одна и сама за себя отвечаешь. Денег он тебе каких-то на первое время оставил, а потом что? На твоём месте я бы уже давно носом землю рыла в поисках работы, а ты продолжаешь стебельками и прутиками пустое гнездо набивать. Весьма недешевыми, кстати. Но мы сейчас не об этом, – перебила сама себя Катя, поймав Наташин насупленный взгляд. – Вот смотри. – Тут она потыкала в экран телефона, открыв какую-то многоячеистую таблицу с разноцветными столбиками. – У меня есть программа по расчету уровня качества дожития. Можно прямо сейчас прикинуть, какой у тебя должен быть ежемесячный доход, чтобы ты могла не беспокоиться о куске хлеба лет, скажем... – Катя окинула подругу таким взглядом, словно выбирала корову на рынке, – ...через тридцать – тридцать пять.

– Почему тридцать пять? – после всех этих ошарашивающих новостей Наташу хватало только на самые идиотские вопросы.

– Потому что проживешь ты еще достаточно долго, – с охотой пояснила ей Катя. – Тридцать лет – самый минимум. А может, даже и больше. Правда, ближе к концу наверняка понадобятся услуги сиделки, лекарства, регулярная аппаратная диагностика... Так что расходы будут только расти. У тебя же есть сбережения?

– Разумеется, есть.

– Вот и отлично! А квартиру, ту, что от мамы осталась, ты за сколько сдаешь?

– Сейчас – за двадцать пять тысяч.

– Плюс коммуналка?

– Нет. Коммуналку из них плачу.

– То есть чистыми в месяц выходит приблизительно... курам на смех. И на эти деньги ты собираешься жить? Одеваться, питаться, минимум раз в год ездить на море, содержать машину, оплачивать все остальные расходы?

Наташа испуганно заморгала и сжала в ладонях пустую чашку от кофе.

– П-подожди. Ты как-то неправильно все посчитала. – От нахлынувшего вдруг волнения она даже стала слегка заикаться. – Сама ведь сначала спросила про сбережения. Плюс Лешины деньги. То есть мои... Ну, в смысле, те, что он мне оставил. И стоимость аренды квартиры я как раз собиралась

поднять. На днях с жильцами думаю п-поговорить... Чтобы они хотя бы коммуналку...

Пока она бормотала эти жалкие объяснения, больше похожие на оправдания, Катя быстро кивала и что-то чертила пальцем по стеклу телефона. Закончив, развернула его в Наташину сторону.

На экране, на фоне «шпалеры» из сетки координат, сплошь усыпанной мелкими цифрами, бежал жирненький стебелек какого-то графика. Сначала он был зеленым и шел высоко, параллельно нижней оси, затем, пожелтев, пополз вниз, а в конце бессильно поник и едва не улегся на эту самую ось, предварительно сделавшись красным.

– Это... что? – севшим голосом спросила Наташа.

– Красное-то? Столько ты сможешь тратить в месяц через двадцать лет.

– Ты ж только что говорила про тридцать пять...

– То есть ты умеешь расплачиваться в магазинах и на заправках отрицательными величинами? Тогда да, можно и на тридцать пять кривую построить. Хоть на сотню. Ты понимаешь, к чему я клоню?

Наташа вздохнула и опустила глаза. Она понимала. За свою бурную профессиональную жизнь ее лучшая подруга прошла не один тренинг по убеждению потенциальных клиентов и теперь эффектно демонстрировала приобретенные навыки. Получалось у нее просто блестяще.

– Ты ведь знаешь, что при наличии одинаковой суммы де-

нег у каждого реципиента в одиночку выжить труднее, чем вдвоем или втроем, если эти деньги соединить вместе? Простое сложение общих расходов здесь не работает. Это алгебра, не арифметика. Деньги, оставленные тебе Алексеем, закончатся тем быстрее, чем чаще ты будешь совершать импульсивные утешительные покупки типа сегодняшних занавесок. А если уже сейчас начать залезать в сбережения, то к настоящей старости есть риск остаться ни с чем. Ведь пенсия-то у тебя будет... сама знаешь какая.

– Никакая, – уныло вздохнула Наташа.

– Не «никакая», а минимальная, – строго поправила ее любившая точность Катя. – Чему удивляться? Ты ведь никогда не работала – значит, и отчисления в пенсионный фонд не платила. И та пенсия, что тебе назначат, – «никакая», как ты говоришь, – по сути дела, будет выплачиваться из отчислений других людей. У нас социальное государство. Без пенсии никто не останется и с голоду не умрет.

– Девушка! Можно вас на минутку? – Найдя глазами официантку, Наташа подняла руку, подзывая ее к себе. – Принесите мне, пожалуйста, «Маргариту». Две «Маргариты», – уточнила она, глянув на Катю. – Выпьем за арифметику... То есть за алгебру. И за социальные гарантии заодно.

– Я на машине, – покачала та головой. – А ты разве нет?

– Нет, я такси взяла, лень заморачиваться с парковкой... – Сейчас Наташе отчего-то стало стыдно даже за эту трату. – Ну да... Все, что ты говоришь, я прекрасно знаю сама. Мне

просто казалось... что это все не взаправду. Вот сейчас открою глаза – и все кончилось. Все снова стало, как было всегда.

Катя уже набрала воздуха в грудь, чтобы разродиться очередным убийственным доводом против такой наивности, но Наташа ей не дала:

– Вот ты все про деньги мне говоришь, но разве только в них дело? Вся моя жизнь... не кончилась, нет, но изменилась! До неузнаваемости, понимаешь? Буквально. Я смотрю в зеркало – и не узнаю себя. Потому что теперь я – другая.

– Понимаю, – спокойно сказала Катя, откидываясь на спинку стула. – Просто когда начинаешь про деньги, обычно доходчивее получается. А ты эту стадию, я смотрю, уже миновала.

– Не, я до нее еще не дошла, – невольно усмехнулась Наташа, вертя в пальцах высокую ножку бокала. – У меня позднее зажигание. Да я к тому же почти не помню, как это – когда без денег. Даже и не знаю, наверное. Пока ребенком была, это был мамин вопрос. Потом – Алексея. Ничего, разберусь как-нибудь. Но все равно, спасибо тебе за науку. И, если можно, скинь мне тот график на телефон. Поупражняюсь в алгебре на досуге. У меня же его теперь – завались.

Вернувшись домой, она весь остаток дня просидела за ноутбуком. Зарегистрировала себе личные кабинеты в приложениях банков, где Алексей открыл для нее счета, отыскала среди документов, хоть и не без труда, данные заведовавшие-

го ее акциями брокера и долго смотрела на столбики, графики и диаграммы. Все это был даже не темный лес, а хуже – дикие непролазные джунгли, враждебные любому нормальному человеку, который ни разу в жизни не задумывался о подобных вещах. О том, чтобы разобраться во всех этих тонкостях самостоятельно, нечего было и думать.

Со счетами, правда, вышло полегче. Шестизначные числа успокаивали одним своим видом, и паника, наведенная Катей, слегка отступила. По всему выходило, что немедленно кидаться на папёрть с протянутой рукой Наташе не надо. Можно спокойно собраться с мыслями, составить план, подумать, чего именно она хочет прямо сейчас. Ведь на дворе – поздняя осень, самое тоскливое и депрессивное время. Может, съездить куда-нибудь на курорт, отключиться от печальных мыслей, отдохнуть, набраться сил перед долгой зимой... Или махнуть на Байкал. Сколько лет они с Алексеем туда собирались – да так и не собрались. На Байкале, говорят, и зимой невероятная красота...

Хотя этот чертов возраст дожития никак не шел у Наташи из головы.

Какие курорты, какие Байкалы?! А вдруг она проживет долго и ей не хватит денег?

Так, мечась мыслями между двумя крайностями, она никак не могла решить, что ей делать. То открывала сайты турагентств с манящими рекламными фото, но тут же и закрывала, строго одергивая себя, то, повернувшись спиной к те-

левизору, где, как на грех, шла передача о прелестях зимнего отдыха, принималась искать сайты для поиска работы. Определиться, как ни странно, помог Алексей, вернее, воспоминание о том пренебрежении, которое он излучал во время последнего разговора. Внуки-кухня-поликлиника... Как только хватило наглости такое заявить! С чего он вообще вдруг решил, что Наташа больше ни на что не способна? Вот назло ему, а заодно и всему миру, она докажет, что ее еще рано списывать в утиль. Найдёт работу, и не какую попало, а интересную, хорошо оплачиваемую и... словом, такую, чтобы было чему позавидовать. А еще – познакомится с кем-нибудь. Одно другому не мешает. Она еще не старая, полна сил, отлично выглядит для своих лет. И со здоровьем у нее все в полном порядке. И высшее образование есть. Практически красный диплом.

Конечно же, она справится!

Глава 5

Наступил ноябрь. Традиционно в одну из суббот Наташа позвонила детям. Так было заведено еще при Алексее, и никакого смысла менять сложившиеся привычки она не видела. У Кости все было по-старому: Ева, работа, дом, никаких новостей. О себе он почти не рассказывал, был немногословен и вял. Оживился всего один раз, когда поведал:

– У нас в гипермаркете рядом с офисом поставили автомат по приему пустых металлических банок из-под пива и прочей газированной гадости. Засовываешь банки в специальное отверстие, автомат их считает и начисляет на твою скидочную карту бонусные баллы. Очень удобно и экологично. Так некоторые ушлые личности ухитряются разрезать банки пополам и эти самые половинки запихивать, чтобы баллы удвоить! Представляешь? Я видел собственными глазами!

Судя по тону, Костик был не на шутку взволнован таким вопиюще бессовестным поведением. Сочувственно поцокав языком и осудив вместе с ним отдельные проявления человеческой непорядочности, Наташа вздохнула: какой он еще ребенок! Обижается и искренне негодует по таким пустякам.

Ей бы его заботы...

Простившись с сыном, Наташа позвонила Ленке. В отличие от брата, та была полна радостного энтузиазма:

– Как хорошо, что ты позвонила! Я как раз собиралась тебя сегодня набрать. Поздравь меня: с новой квартирой все на мази, так что оформляем обе сделки одновременно. В один день продам свою нынешнюю халупу и стану собственницей этого аутентичного чуда на Репина. Так что на той неделе я перебираюсь в бабушкину квартиру.

То, что на время ремонта она поселится в квартире, принадлежавшей когда-то Наташиной маме, Ленка сообщила некоторое время назад как нечто само собой разумеющееся. Ни о том, что эта квартира осталась маминым единственным источником дохода, ни о том, что там, в общем-то, живут люди, она даже не подумала. Наташа, услышав об этом, пришла в ужас от мысли, что ей придется так внезапно указать жильцам на дверь, но, к счастью, те и сами надумали переезжать, так что обошлось без неприятного разговора.

Вся эта квартирная канитель тянулась уже давно, и говорили о временном переезде в бабушкину квартиру они еще до Наташиного развода. И сейчас в порыве радости за дочь Наташа простодушно воскликнула:

– Может, ты пока поживешь у меня? Дома-то лучше. Будем вместе, как раньше, – мама и дочка. А то, сама знаешь, квартира огромная, а я в ней совсем одна.

– Ну, ты придумала! У нас же совершенно разный график и жизненный стиль! – обеспокоенно затараторила Ленка. – У меня часто бывают гости, иногда остаются с ночевкой. Я поздно ложусь, рано встаю. То есть наоборот... Ну, не важно.

Короче, это будет неудобно и мне, и тебе.

Вздыхнув, Наташа была вынуждена согласиться. Действительно, они разные. Чего стоило одно только Ленкино возмущение маминым предложением пожить у нее, искреннее и ничем не прикрытое хотя бы из вежливости, для вида, чтобы маме не стало обидно. Сама Наташа никогда бы так не поступила.

Договорившись, когда именно она заскочит за ключами, Ленка поспешила свернуть разговор, и Наташа, исчерпав все утренние дела, уселась наконец за ноутбук – составлять резюме.

К черту Байкал и все курорты мира. Начинать надо с главного – с поиска работы. Ноябрь, конечно, не самое удачное время для разездов по городу: холод, слякоть, темнота и тоска. Но в Питере такой запросто может быть вся зима, да и половина весны. Так что же теперь – сиднем сидеть до мая? Нет уж. Решено – надо действовать.

Перво-наперво Наташа принялась изучать вакансии по специальности. Память у Наташи хорошая, химию она всегда любила и многое помнила с институтских времен. Да и навыков обучения не утратила: дважды прошла всю школьную программу, и не только по химии. На удивление работы для химиков оказалось немало, и зарплату обещали приличную. Прямо глаза разбегались: химик-технолог, менеджер по качеству, мастер производственных процессов. Фармацевтика, пищевая промышленность, даже судмедэкспертиза...

Почему бы нет? Хотя последнее – все-таки нет.

Правда, везде было одно «но», небольшое, но важное: везде требовался опыт работы. Минимум год, а лучше три. А там, где про опыт ничего не было сказано, требовались сотрудники до сорока, а то и до тридцати пяти. Но Наташа не унывала. Перечитав кучу рекомендательных статей, она составила резюме, разместила его на всех показавшихся ей подходящими сайтах и откликнулась сразу на несколько десятков вакансий. Решила не скромничать, ведь все интернет-советчики в один голос твердили: чем больше активности, тем больше шансов найти работу.

К ее несказанной радости, словно подтверждая правильность всех проделанных действий, первый ответ пришел уже в понедельник. Наташу пригласили на собеседование. Вот что значили терпение и кропотливость! Правда, работа была не совсем по специальности, вернее – совсем не по ней: торгово-логистический комплекс, откуда ей написали, занимался «бытовой химией широкого спектра», и ему требовались сотрудники в интернет-магазин. И ехать до офиса было час сорок, и находился он в полузаброшенной старой промзоне... Но это все было не важно. Главное – Наташино резюме выбрали среди множества остальных, невзирая на отсутствие опыта и прочие мелкие несоответствия. Ей дали шанс. Конечно же, она его не упустит!

Когда после короткого собеседования полусонная девушка-эйчар, несколько раз в разговоре называвшая ее то На-

деждой, то почему-то Светланой, проводила Наташу на будущее рабочее место, у той словно что-то оборвалось внутри. Это был склад – огромный, холодный и неуютный. Тусклый свет, бесконечные ряды стеллажей, горы коробок и катушек со скотчем. Растерянno оглядываясь по сторонам, Наташа зябко поежилась в своих тоненьких итальянских сапожках на каблуках и бежевом кашемировом джемпере: кругом деловито сновали тепло одетые женщины в надвинутых на глаза шерстяных шапках и дутышах-безрукавках. У некоторых на ногах были валенки.

– Но ведь у вас в объявлении сказано «требуется менеджер по работе с готовой продукцией», – растерянno пролепетала Наташа.

– Все правильно. Вот менеджеры, вот продукция, – лениво пожала плечами кадровичка.

– А еще у вас есть вакансии технолога на производство. Может быть, я... – не сдавалась Наташа.

– Вам пятьдесят четыре. На что вы рассчитываете? – явно теряя терпение, беззастенчиво перебила ее юная нахалка.

– Извините. М-мне надо подумать, – только и смогла выдать из себя Наташа, прежде чем, втянув голову в плечи, бесславно ретироваться с территории этого флагмана химической индустрии, больше напоминавшего заброшенный промышленный недострой.

Вернувшись домой, усталая и расстроенная, она весь вечер приходила в себя. Ничего себе... Чуть не вляпалась в

какую-то явно неподходящую ей авантюру. Не хватало еще состричь маникюр, нацепить перчатки без пальцев и, время от времени поддергивая сползающие рейтузы, зычно-простуженно кричать в темноту:

– Махмуд! Отабек! Где вы там?! Давай рохлю под штабеля!

И надломленную сигаретку к губе прилепить.

Именно так выглядела последняя запомнившаяся ей «менеджер по готовой продукции» на этом чудо-юдо-складе.

Дождавшись, когда яркость полученных впечатлений слегка потускнела, Наташа вновь взялась за просмотр сайтов о трудоустройстве. Рассылала резюме, пусть и без прежнего наивного энтузиазма, но все равно – методично и тщательно. Шли дни, проходили недели, но никаких стоящих откликов не поступало. Варианты «менеджера на склад» она научилась отсеивать достаточно быстро, задавая наводящие вопросы и не тратя времени на бессмысленные разъезды. Когда же по особо «сладким» вакансиям звонила сама, то везде слышала примерно одно и то же:

– Нет. Не подходите. Не нужно. В случае заинтересованности в вашей кандидатуре мы сами вам позвоним.

Но она не сдавалась, продолжала читать статьи с рекомендациями по поиску работы. Из прочитанного ей мало что подходило, но несколько здравых мыслей оттуда все же удалось извлечь. В одном из текстов было сказано, что соискателю без опыта перво-наперво стоит обратиться ко всем дру-

зьям, знакомым и родственникам, это самый простой и короткий путь. Так Наташа и поступила. Результат получился скромным: дети с их специфическими видами деятельности с ходу ничем не смогли помочь, хотя оба пообещали подумать и поспрашивать у друзей и коллег. Обращаться к бывшему мужу Наташе и самой не хотелось: не хватало еще раз расписаться в собственной никчемности и бессилии. Катя, по уши загруженная какой-то очередной выездной конференцией, была страшно занята, но все равно посулила «что-нибудь придумать», хоть и не слишком уверенно. Зато с Таней неожиданно повезло – едва выслушав Наташину просьбу, она радостно затарахтела:

– У меня есть на примете чудненький вариант. Все как ты просишь: без опыта, любой возраст. Можно даже без высшего образования – они сами всему научат. Свободный график, и заработать можно прилично. Юлька, моя двоюродная сестра, там работала. Сейчас на повышение ушла.

– А что надо делать? – поинтересовалась Наташа.

– Я толком не знаю, – призналась Таня. – Но это точно не склад и не разъезды по городу. Работа в офисе, на телефоне. Чистенько, за компьютером. У них даже кофемашина стоит, представляешь! Скидываются на кофе – и пей себе сколько влезет. И бесплатное печенье по пятницам. Я позвоню, когда будет очередной обучающий семинар, хорошо? Выше нос, Натуська, у тебя все получится!

– Спасибо, Танюша, – искренне тронутая заботой подру-

ги, сказала Наташа. – Что бы я делала без тебя!

– Да ладно, чего уж, – голос в трубке заметно потеплел. – На то и друзья, чтобы помогать в трудную жизненную минуту. Ты только, когда будешь проходить регистрацию, обязательно скажи, что тебя Юлька... Савченко Юлия Сергеевна рекомендует. Так у них принято.

Обучающий семинар проводили в центре, на углу Колокольной и Владимирского проспекта. Уже хорошо: хоть не ковылять по мерзлым колдобинам где-нибудь в нечищенных новостройках. Близился Новый год, и город, как всегда, неожиданно замело. Выйдя из метро (в последнее время Наташа старалась ездить на машине поменьше, уговаривая себя, что не из-за экономии, а лишь потому, что забираться в центр перед праздниками – форменное безумие), она полюбовалась подсветкой Владимирского собора, похожего в темноте на воздушный торт-безе с шоколадными маковками-профитролями, и отправилась на розыски бизнес-лектория «Прямые решения». Название показалось немного дурацким, но это было не важно. Мало ли, где руководство компании решило снять зал? Может, он был наиболее подходящим.

Но увы – подходящими не стали ни зал, ни лектор с энергичной жестикуляцией и бесконечной, словно нарисованной поверх рта улыбкой, ни публика, ни сама компания – потенциальный работодатель. Это оказался сетевой маркетинг, причем довольно непрезентабельного пошиба. Еще в фойе

в момент регистрации Наташе попытались что-то продать, а когда она вежливо отказалась, сославшись на забытую дома карту, предложили прямо на месте оформить кредит. С трудом отбившись от настырного «регистратора», она чуть не силой вырвала у него из рук заветный бейджик со своей фамилией и прошла в зал. Там уже сидело несколько десятков человек, причем среди них явно преобладали неухоженные женщины в возрасте «45+». Выступающий на подсвеченной софитами сцене тощий парень с бегающими глазками разве что не танцевал вокруг пирамид с электроодеялами, поясничными подогревателями и прочей «чудо-техникой». Артистично расхвалив конкурентные преимущества своего барахла перед всем остальным, лектор пригласил на сцену менеджера по развитию и растворился в кулисах. Включили проектор, и дальше пошла сплошная бизнес-теория. Все было серьезно, в расчете на искушенную публику, готовую влегкую различать валовой оборот и маржинальную прибыль. Наташа старательно вслушивалась, листала выданную брошюру, пытаясь соотнести увиденное на экране с ее содержимым, но в глубине души уже понимала, что заниматься этим не будет. Сетевой маркетинг – не для нее. Ничего против продаж она не имела, но себя в этом просто не видела. И потом, при ближайшем рассмотрении, работа в офисе с телефоном и бесплатной кофемашиной прямо у нее на глазах превращалась в утомительную гонку на выбывание, в которой победители получали все лавры и «плюшки» своих

менее удачливых коллег, отсеянных на предыдущем этапе. До финиша – стабильного ежемесячного оклада – добирались немногие, а звонить по десять часов в день за процент Наташе не захотелось.

– Ну и зря, – узнав о результатах визита, разочарованно сказала Татьяна. – Юлька же справилась. Разве ты хуже?

Хуже малознакомой ей Юльки Наташа себя не считала, но и впрягаться в работу, к которой так явно не лежала душа, тоже не собиралась. Все эти звонки, коммерческие предложения, уговоры и разговоры – ну не хочет она этим заниматься! Какое-то оно все... пустое. Нематериальное. А значит, не наполненное смыслом. Вот если бы что-нибудь делать руками... Хотя немедленно всплывшие в памяти катушки со скотчем, рохла и штабеля тоже большого энтузиазма не вызывали. Значит, ей нужно просто искать дальше, и все. Ничего страшного, время у нее есть. К тому же близились новогодние праздники – значит, можно взять паузу минимум до десятого января. Все равно в эти дни никто всерьез не работает. А отметить как следует Новый год – это святое. Ведь как встретишь его, так и проведешь, это общеизвестно.

Всю жизнь Наташа встречала праздники в кругу семьи. Поначалу со свекрами и с маленькими детьми, потом только с детьми и с мужем. Было шумно, весело и очень душевно. С годами веселье и душевность потускнели, но все равно радость от окружавших ее за новогодним столом родных лиц никуда не ушла. Как в свете свечей блестели у Ленки гла-

за, когда ей, шестилетней, впервые разрешили досидеть со взрослыми до полуночи и загадывать желание под бой курантов! Как внушительно и солидно выглядел Алексей, поднимая бокал в первые мгновения наступившего года! С каким азартом все семейство накидывалось на Наташины мини-пудинги, приготовленные по старинному английскому рецепту, ища в них заветные фасолинку или монетку – символы удачи и богатства. Костик, помнится, как-то раз засунул в готовое тесто колесико от игрушечного грузовика, назначив его ответственным за будущее путешествие всей семьи в Академию чародейства и волшебства. Он тогда бредил магией, зельеварением и прочими атрибутами модного волшебного мира. Алексей чуть зуб об этот «сюрприз» не сломал, но обошлось. Как же все тогда хохотали!

Последние годы они встречали праздник уже только вдвоем, у детей появились свои компании, друзья. А теперь Наташа и вовсе осталась без мужа, и мысль встречать Новый год в одиночестве ужасала. Что делать? Лечь спать в одиннадцать как ни в чем не бывало? Напиться еще до полуночи, чокаясь бокалом с каждым, кто поднимет свой по ту сторону телевизионного экрана?

Как она вообще до того дошла?

К счастью, муками выбора долго страдать не пришлось. Незадолго до праздника позвонила Татьяна и пригласила встречать Новый год вместе:

– Приезжай! Повеселимся как следует, обещаю. Будут все

наши: мы с Толиком, Светка с Вовчиком и пацанами. Накатим шампусика, холодца и салатиков налопаемся от пуза. Потом пойдем в парк салюты смотреть. Не хуже, чем у людей. Ну, не сидеть же тебе одной?

С облегчением и искренней благодарностью приняв предложение, Наташа решила отложить поиск работы и задумалась о других, не менее важных вещах: что бы такого приготовить к праздничному столу, чтобы порадовать и себя, и друзей? Как бы вкусно она ни готовила, но тут обычное-ежедневное точно не подойдет. Нужно что-нибудь праздничное, почти сказочное. Во всяком случае – удивительное. Чтобы сначала все ахнули, а потом сразу – раз! – и пустая тарелка. Или салатница – смотря какие рецепты она подберет. Ясно одно: без заветных тетрадей свекрови здесь точно не обойтись.

В доставшееся от Людмилы Михайловны наследство Наташа в последнее время заглядывала нечасто. Рутинная ежедневного быта давно уже не нуждалась ни в обновлении, ни в волшебстве. К тому же она и сама прекрасно готовила, по своим собственным рецептам. Но Новый год – повод особый. Вот тут-то ей чудесные тетрадочки и пригодятся.

А они и вправду были особенными. Помимо страсти к кулинарии, Людмила Михайловна обладала безукоризненным вкусом и весьма неплохо рисовала, так что почти каждый рецепт сопровождался оригинальным карандашным рисунком. Это могло быть все что угодно: набор красиво разло-

женных на столе продуктов, зажатый в специальной подставке-хамоньерке копченый кабаний окорок «со слезой», букетики пряной зелени, изящные бутылочки с оливковым маслом или расписанное цветами блюдо с горой румяных дымящихся пирожков. Пустых мест на полях ее тетрадей почти что и не оставалось, все они были заполнены этими трогательными свидетельствами любви к своему самому главному жизненному увлечению.

Достав тетради из кухонно-книжного, как она его называла, шкафа, Наташа принялась их листать. Быстро отложила несколько нужных – тех, что с праздничными рецептами. Да... давненько до них руки не доходили. Хотя ей всегда нравилось баловать семью разными вкусностями и она почти ежедневно проводила на кухне несколько часов, чтобы подать к столу очередной кулинарный шедевр. Удовольствие от готовки слегка омрачал тот факт, что домашние давно привыкли к ее разносолам и воспринимали очередную утиную грудку в меду с черносливом или суп с блинной стружкой совершенно как должное. Иногда и похвалить, и даже «спасибо» сказать забывали – когда спешили куда-нибудь. Хотя Ленка до сих пор с радостью утаскивала домой контейнеры с мамиными салатиками и слоеными пирожками, которые Наташа неизменно готовила к ее приезду. Пусть дочка порадует. Разве маме трудно?

Правда, в этот раз к общему праздничному столу нужно будет подойти с совершенно другими мерками. Тут ни-

какие гуси, фаршированные апельсинами и айвой, не подойдут. Равно как и раковые шейки с каперсами и авокадо. Зачем ставить Татьяну с семьей в неловкое положение? Ведь они себе таких дорогостоящих продуктов позволить не могут. Но проблемой это не станет: есть куча отличных рецептов, по которым можно приготовить очень вкусные и оригинальные блюда. Вот такие Наташа и выберет.

Начать стоит, пожалуй, со всеми любимого салата «Мимоза». Отлично! Пусть будет «Мимоза». И еще по мелочи что-нибудь. Буквально два или три блюда. А на горячее отбивные – их проще всего довести. И обязательно торт! Куда же без торта? Ведь за столом будут Данька и Ромка, Танины внуки. Разве можно детей в Новый год оставить без сладкого?

Праздник отметили замечательно. Было шумно, весело, в меру суетно и бестолково. Таня с Толиком жили в типовой тесноватой двушке в панельном доме. Светка, их дочь, выйдя замуж, переехала к мужу и к родителям приезжала, как и Наташины дети, не особенно часто. Пока разбирали пакеты с Наташиными заготовками, пока накрывали на стол, Ромка с Данькой с визгом и воплями носились по всей квартире, как сумасшедшие. Они были погодками, но Ромка, пойдя этой осенью в первый класс, теперь страшно важничал и задавался. Еще бы, ведь он теперь школьник, а не какая-то сопливая детсадовская малышня!

Усевшись за стол, сразу же принялись за закуски. Особен-

но старались мужчины. Их голосов совсем не было слышно – только жевание, довольное побряхтывание и глубокомысленное мычание:

– М-м-м... вкуснота! Девочки, вы у нас просто волшебницы!

«Девочки» переглядывались и весело улыбались. Поначалу, чтобы попробовать все, что стоит на столе, Толик с Вовчиком тянули к себе подряд все блюда и салатники, но, насытившись, стали разборчивее. За остатки печеночного торта даже чуть не устроили небольшое сражение: одновременно воткнув вилки в посыпанный резаным зеленым луком кусок, они сурово посмотрели друг другу в глаза и замерли в ожидании, кто первый уступит. Субординация победила: ущипнутый женой под столом Вовчик со скорбным вздохом выдернул вилку и немедленно вонзил ее в кусок тещиногo холодца. Обильно полив его хреном, принялся молча жевать, бросая на тестя короткие взгляды: ладно, мол, еще горячее впереди. Отыграюсь.

Когда пробили куранты, со всех сторон посыпались поздравления и пожелания счастья в новом году. Дети, дорвавшиеся наконец до подарков, пролежавших весь вечер под искусственной елкой, водруженной за неимением свободного места на подоконник, с радостным визгом уволокли их в другую комнату, где немедленно подрались, не сумев разобраться, что и кому предназначено. Светка кинулась их разнимать, следом за ней из-за стола вылез осоловевший Вовчик. Толик,

по-гусарски, в один рукав, накинув куртку, пошел курить на балкон, и Таня с Наташей остались одни – чуть не впервые за вечер.

– Холодец у тебя в этот раз замечательный получился, – сказала Наташа, положив себе на тарелку еще один небольшой мутноватый брусочек с редкими вкраплениями мясных волокон и обильными – хрящей и свиных шкурок. Сама она их после варки обычно выбрасывала, чтобы не портили вкус.

– Да ладно тебе, Наташка! Ты прям настоящий дипломат, – засмеялась Татьяна. – Как будто я твоего никогда не пробовала! Это ты у нас царица разделочной доски и духовки, а я – так... на подтанцовках шуршу.

Наташа улыбнулась и опустила глаза. Что делать, как говорили в старину, правдой не задражнишь. Все те годы, что они были знакомы, Таня действительно готовила обыкновенно, как все: первое-второе, сразу на несколько дней, без конца чередуя пяток супов и два-три вида горячего с банальными гарнирами – макароны, гречка да картошка. Частенько пренебрегала необязательными, как ей казалось, правилами обработки продуктов. Пассеровать, бланшировать, припускать, процеживать, помешивать до равномерного загустения... кому это надо?! Только время и силы тратить. На ее кухне царили сосиски, простенькие яичницы, кетчуп и готовый майонез. Слава богу, что до дошираков не доходило, но вермишель быстрого приготовления была у Тани в чести. Макароны по-флотски с покупным фаршем, сдобренные за-

пахом бульонного кубика, ленивые голубцы из капусты и риса, готовые котлеты из сетевого магазина... Наташа от таких яств мысленно приходила в ужас, хотя виду, конечно, из вежливости не подавала, однако Толик был вполне доволен жениной стряпней. Для него было главное, чтобы еда была горячей и чтобы ее было побольше. Что бы ему ни подали, он уминал полную, с верхом, огромную тарелку, а после, по его собственному выражению, еще и непременно «догонялся» булкой с маслом, запивая ее чаем из пакетика. Наташин Алексей ни за что не стал бы ни чай такой пить, ни есть что-то подобное... Интересно, а как и чем его кормит новая супруга? В соцсетях Арины, куда Наташа, все так же стыдясь сама себя и все с той же частотой, продолжала заглядывать, никогда не было фоточек приготовленных молодой женой блюд – только снимки ресторанной еды.

Пока Татьяна возилась на кухне, споласкивая тарелки и разогревая отбивные, Наташа вышла в прихожую за сумочкой – пришло время подкрасить губы. Протискиваясь по коридору мимо комнаты, в которой Света с Вовчиком укладывали спать свою расшалившуюся малышню, услышала придушенный шепот:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.